

АННА ПАВЛОВСКАЯ

Конец эпохи

Из цикла "Тайны герцогов Бургундских"

КНИГА ТРЕТЬЯ

12+

Тайны герцогов бургундских

Анна Павловская

**Конец эпохи. Да
здравствует император!**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Павловская А.

Конец эпохи. Да здравствует император! / А. Павловская —
«ЛитРес: Самиздат», 2017 — (Тайны герцогов бургундских)

Книга является третьей и заключительной в цикле "Тайны герцогов Бургундских". Цикл посвящен малоизвестному, но яркому эпизоду средневековой истории – взлету и падению герцогства Бургундского. Действие книги развивается в двух эпохах: середине XV века, времени расцвета и падения герцогства Бургундского, и в начале века XVI, когда к власти в Европе пришли новые силы. Героиня цикла, Маргарита, как и ее мать Мария – последняя властительница герцогства Бургундского, проходит через испытание любовью, властью, смертью близких, предательство и войны. В оформлении обложки использована миниатюра из средневековой рукописи "Das Berliner Stundenbuch der Maria von Burgund und Kaiser Maximilians" (часослов Марии Бургундской и Императора Максимилиана).

© Павловская А., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Акт I. Интермедия, или Ожидание. 1498–1501 годы	6
Глава 1. Вновь заложница	6
Глава 2. Мария и Максимилиан	21
Глава 3. Шествие Крови	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Все персонажи и события, происходящие в романе, являются исторически подлинными и основаны на достоверных исторических источниках.

Акт I. Интермедия, или Ожидание. 1498–1501 годы

Глава 1. Вновь заложница

Тянулись долгие серые дни. Пришли рождественские праздники. Королевский двор вновь был погружен в траур. Маргарет продолжала оставаться в монастыре. Она никого не хотела видеть, не хотела утешений, добрых слов, сочувствия. Просто – одиночества. Иногда она думала, что один Хуан мог понять её боль, ведь это был их общий ребенок, они вместе придумывали ему имя, обсуждали, как будут воспитывать и баловать его. Он бы разделил её тяжесть, смог приласкать. Он мог бы дать ей надежду на то, что будет и другой ребенок, что это просто нелепая случайность. Но Хуана не было. И даже он не мог бы понять то страшное чувство пустоты, которое мучило Маргарет: только что в ней была жизнь, она толкалась изнутри, и Маргарет становилось тепло на душе, даже в минуты горестного отчаяния. А теперь была мертвая пустота. А это оказалось хуже отчаяния.

Королева Изабелла приходила чаще других. Ей одной принцесса была рада, потому что королева страдала не меньше нее. Она тоже недавно потеряла ребенка, своего ненаглядного Хуана, а теперь и внучку, которая могла бы стать утешением ей в жизни. И наследницей короны. Теперь же наследные права перешли к старшей дочери Изабелле, а следовательно, и к португальскому королю, что не могло не огорчать королеву и вселяло беспокойство. Правда, к весне пришло радостное известие, что Изабелла ждет ребенка, и королева немного повеселела. Однако она сильно изменилась и большую часть времени проводила в молитвах, забросив государственные дела, которым раньше уделяла так много времени.

С Маргарет королева была неизменно внимательна и сердечна. Они много разговаривали, и эти беседы приносили девушке отдохновение. Правда, не всегда. Так, королева Изабелла нисколько не сомневалась, что смерть ребенка Маргарет, как и её мужа Хуана, не была случайной. Вдовствующая принцесса очень не любила эту тему, она казалась ей кошунственной. Кому нужна эта власть, богатство, титулы, если можно даже думать о таких страшных вещах?! Не нужен ей этот древний род и какая-то там особая кровь, она мечтала быть женой, матерью, ну и королевой тоже.

Маргарет написала своему отцу о несчастье. Он прислал ей сочувственное письмо, но было заметно, что это событие не слишком взволновало его. Маргарет даже удивилась, он связывал с испанскими планами большие надежды. Правда оставались еще Филипп и Хуана. Вдруг Маргарет похолодела, она поняла, что снова стала прекрасной разменной монетой в политических интригах, ей всего восемнадцать, и отец наверняка продумывает уже новый брак для нее.

Королева Изабелла подтвердила её опасения. Она получила донесение от Гуттиере де Фуэнсалида, который находился при дворе императора. Хитрый испанский дипломат высказал Максимилиану предположение, что его дочь скоро снова найдет себе достойного супруга. На что получил суровую отповедь, которую передал своим хозяевам в точности: «В христианском мире нет ни одного принца, за которого моя дочь могла бы выйти замуж. У короля Неаполя нет сына подходящего возраста. Король Англии уже просватал для своего наследника дочь испанских монархов. Король Шотландии ничтожество. Герцог Йоркский (это тот неприятный самозванец, которого привечала её бабушка герцогиня Маргарита) женат и не свободен. У короля Венгрии уже есть жена. Король Польши – пустое место. Так что нет мужа, подходящего для моей дочери. Правда, поговаривают, что король Франции подумывает расстаться со своей женой Анной, поскольку он отчаялся получить от неё наследника, и женится на моей дочери Маргарет. Но я никогда не соглашусь на это, также как и моя дочь, которая категорически возражает против жизни во Франции. К тому же я уверен, что это именно король Фран-

ции приказал дать какое-то снадобье моей дочери, которое привело её к потере ребенка, он и короля Фердинанда пытался отравить. Так что сегодня о новом браке моей дочери говорить абсолютно бесполезно».

Было очевидно, что это якобы негодование Максимилиана было вызвано сугубо политическими причинами: он уже продумывал новый брак своей дочери, а испанских королей пугал возможностью своего нового союза с Францией или какой-то иной враждебной им державой. «В Европе еще очень много королей», – прозвучало у неё в ушах. Проклятый де Брисоне, он словно предвидел её будущее тогда, в замке Мелен во Франции.

И все-таки жизнь возвращалась к Маргарет. Пришла весна, все зацвело вокруг, воздух наполнился волшебными ароматами новой жизни. Принцесса была слишком молода, слишком жива умом, слишком жизнерадостна по натуре, чтобы пребывать в вечном унынии. Молитвы утомили её и перестали приносить отдохновение. Одиночество стало утомлять. Она покинула монастырь и вместе с испанской королевской четой переезжала с места на место. Алеонор де Пуатье отнеслась к этому с осуждением. «В её время» особа королевской крови должна была соблюдать траур по всем правилам в течение года. Это значило, что она все это время не покидала своей спальни, стены и пол которой были затянуты черными тканями, а окна все время закрыты. Она никого не должна была принимать, носить тяжелое платье и черный чепец, отделанный белым мехом. Но времена изменились, и Маргарет чувствовала потребность в движении и перемене мест. (К тому же после той злополучной ночи, когда Алеонор со странным умилением – или это тоже было частью этикета? – принесла ей мертвое дитя, она чувствовала отчуждение и с трудом переносила старую даму.) Испанский королевский двор, не имевший постоянной резиденции и постоянно странствовавший по своей все разрастающейся в размерах стране, давал Маргарет прекрасную возможность развеяться.

Оба монарха очень бережно к ней относились, даже Фердинанд, вечно занятый политикой, в которой наконец-то он один теперь царствовал, был к ней внимателен, она чувствовала, что он не то что любит её – любил ли он вообще кого-нибудь? – но уж точно относится с симпатией и даже уважением. И это было приятно.

Удивительно, но жители испанских земель сохранили большую привязанность к своей невезучей принцессе. Где бы Маргарет ни появилась, её приветствовали восторженные толпы, незнакомые люди выражали ей сочувствие, женщины старались коснуться её платья, считая это добрым знаком. Многие громко плакали, выкрикивая, что её одну они хотели бы видеть своей будущей госпожой и королевой. Она была столь популярна, что порой ей приходилось дожидаться в поле, под сенью оливковых рощ, наступления темноты, чтобы въехать в какой-нибудь город, если она хотела избежать сумятицы и ненужных эмоций. Удивительно, но королеву Португалии Изабеллу, ставшую теперь наследницей, горожане встречали весьма прохладно.

Дни летели. И они были полны радостями и горестями. Однажды в апреле Маргарет стояла на балконе дворца в городе Вальядолид, одной из резиденций королей. Они приехали сюда на Пасху, в городе вот уже много столетий в страстную неделю и в сам Светлый Праздник проходили особые торжества: пышные и трогательные процессии, тематические представления, длинные мессы. Особое братство следило за соблюдением всех церемоний. Был вечер, и ветер принес ей запах цветущих садов. Маргарет вдруг отчетливо вспомнила Амбуаз, себя маленькой и наивной. И влюбленной в своего короля. Впрочем, девушка вздохнула, он оказался не ее. Смешной и нелепый, он казался ей таким особенным, царственным и милым. Она поняла, что простила его целиком и полностью. То, что случилось в её жизни, не оставило места детским обидам.

А через несколько недель пришла весть о смерти короля Франции Карла VIII. Маргарет решила, что он, может быть, вспомнил её в свой смертный час, и она почувствовала это, уж больно странным было совпадение, она давно уже и не думала о нем. И порадовалась, что успела простить его от всей души.

Смерть была нелепой. Как и вся его жизнь, подумала Маргарет о своем детском женихе. В своем любимом Амбуазе Карл в самом начале своего правления, в то время Маргарет еще там проживала, отстроил прекрасный зал для игры в жё-де-пом. Он обожал эту игру, очень популярную во Франции, но практически неизвестную ни в нижних землях, ни Испании. Мяч перебрасывали через натянутую сетку, отбивая ладонью руки, Карл был большой мастер в этом деле. Так вот в один злополучный день апреля он отправился в зал для игры в мяч и, входя в дверь, ударился о низкую притолоку! Через несколько часов молодой король, ему не исполнилось и 28, скончался в том самом замке, где он когда-то родился ко всеобщей радости – еще бы, крепкий и здоровый наследник, Маргарет теперь на своем опыте знала, как это важно.

Она вспоминала свои детские годы, по-своему светлые, думала, что в результате единственной удачей в жизни Карла была его женитьба на Анне Бретонской, та самая, которая принесла так много печалей самой Маргарет. Благодаря этому браку свободолюбивое герцогство Бретань оказалось под властью французской короны. Правда, иных плодов этот союз не принес: за 6 лет брака Анна родила семерых детей, и ни один из них не выжил. «Бедняжка! – Маргарет особенно остро сейчас сочувствовала своей бывшей разлучнице. – Трудно даже представить, что она должна испытывать. Мне кажется, я никогда не оправлюсь от своего несчастья, но её участь кажется еще страшнее».

Главное дело жизни Карла, итальянский поход, с треском провалился. Он разорил страну, которую так усердно собирал и поднимал его отец, и вверг всю Европу в непрекращающиеся конфликты. Казна после его смерти оказалась совсем пустой.

Кроме того, деяния короля Карла косвенным образом способствовали распространению какой-то ужасной и гадкой болезни, которой заболело больше половины его армии, её теперь называют «галльской» или «французской» болезнью, не велика честь для Франции! И для короля. Хотя некоторые и считают, что она прибыла в Европу из вновь открытых Колумбом земель, но достоверно никто ничего не знает, кроме того, что бравая французская армия разнесла её по всему маршруту следования своего итальянского похода. После этого болезнь распространялась столь стремительно, что меньше чем за пять лет докатилась даже до далекой Москвы.

То, что начиналось как династический спор вокруг неаполитанского престола, обернулось общеевропейской войной. И хотя сейчас она слегка затихла, не умолкают разговоры о том, что продолжение неминуемо. Говорят, что новый король планирует начать свое правление именно с нового итальянского похода.

Какая ирония судьбы! Хитроумный и изворотливый Людовик XI всю свою жизнь потратил на то, чтобы поднять Францию с колен, расширить её границы и поставить во главе своего сына-наследника. Всю жизнь он ненавидел и унижал своего отдаленного кузена (прадедом обоих был Карл V) Людовика Орлеанского, женил его против воли на своей бесплодной дочери Жанне (милая и несчастная, вздохнула Маргарет, вспомнив некрасивую принцессу), Анна де Боже заключила его в темницу после неудачной попытки переворота. И вот теперь этот жизнелюбивый герцог, знаток хорошеньких женщин и доброго вина, стал королем Франции. Людовик XII! «Странная вещь жизнь, – подумала Маргарет, – хорошо, что мы не знаем своего будущего».

Поговаривали также, что новый король решил унаследовать не только корону, но и жену своего предшественника. Сразу после смерти мужа вдовствующая королева Анна отправилась домой в Бретань и занялась устройством своего герцогства, которое опять получило независимость. Более того, она могла снова выйти замуж и передать права на него своему новому мужу и наследникам, которые еще вполне могли родиться, ей ведь всего 21 год. Маргарет подумала о своем отце, он уже откровенно устал от своей итальянской супруги, её наследство он давно потратил, а потомства она так и не принесла. Присоединить к своим владениям столь лакомый кусочек, как Бретань, это должно быть верхом его мечтаний!

Однако новый французский король вступил в гонку первым. Он обратился к Папе Римскому с прошением о расторжении его брака. Вопреки ожиданиям, в качестве повода Людовик не стал использовать обычную в этих случаях ссылку на близкое кровное родство или свой малолетний возраст на момент заключения брака. Совершенно неожиданно он пошел иным путем: обвинил свою жену, с которой прожил в супружестве более 20 лет, в физическом уродстве, которое, как он утверждал, делало невозможным консумацию брака.

Это обвинение сопровождалось множеством подробностей и деталей, касающихся её физических отклонений. Маргарет краснела при мысли о том, каким унижениям Людовик подверг свою несчастную жену. Говорят, Жанна была в ужасе от происходящего, но, как ни странно, решилась на открытое сопротивление, можно представить, чего ей это стоило! Она в свою очередь представила свидетелей, которые утверждали, что бывший герцог Орлеанский неоднократно хвастался, что «он порой влезает на свою жену по три-четыре раза за ночь». Дело короля было бы проиграно, уж больно шаткими и некрасивыми были его обвинения, однако ему покровительствовал Папа Александр VI, нуждавшийся в поддержке Франции. Уже к концу этого, 1498, года брак был аннулирован. Жанна смирилась и пообещала молиться за своего бывшего теперь уже супруга, ходили слухи, что она решила уйти в монастырь.

Папскую буллу во Францию привез сын Папы, Цезарио Борджиа. Говорят, что его кортеж поражал воображение всех, кто его видел: музыканты, швейцарская кавалерия в форме папской армии, дворяне, пажи, слуги, шуты. По пути, где бы он ни останавливался, его встречали как принца крови, осыпали серебряными монетами и устраивали пышные приёмы. Французский король в благодарность наградил Борджиа вновь созданным титулом герцога Валентинуа и оставил при своем дворе. Король Людовик не смог повлиять на Карлотту Неаполитанскую, которая решительно противилась браку с человеком столь сомнительной репутации, как Цезарио. Маргарет с удовольствием думала, что её подруга осталась верна себе. В результате была найдена другая знатная невеста, ей стала испуганная красавица (такой запомнила её в Амбуазе Маргарет) Шарлотта д'Альбре, её семейство не гнушалось никакими связями, которые могли бы приумножить его богатство и власть. Рассказывали, что робкая Шарлотта была без ума от своего красавчика мужа.

А тихоня Карлотта между тем обручилась с Николя де Лавалем, тем самым, который понравился ей много лет назад в замке Мелён, в котором Маргарет так долго ждала разрешения вернуться к своей семье. Королева Анна лично устроила свадьбу своего верного слуги и друга, она симпатизировала Карлотте. Многие при дворе подшучивали над этим, королеву с самого начала подозревали в нежной связи с её приближенным. Но Анна Бретонская своим поведением – набожностью, строгостью, серьезностью – давала не много поводов для сплетен.

Все эти новости занимали вдовствующую принцессу. Однажды пришло острое желание – Маргарет захотела домой. Она не так много времени провела на своей родине во Фландрии, но успела привязаться к ней всей душой. Удивительно, но она с нежностью вспоминала тихий город Мехелен, где жила во дворце своей бабушки Маргариты, с восхищением нарядный Брюгге, где покоилась в центральном соборе её мать, с радостью просторный Брюссель, в котором она родилась. Да и семью свою, такую странную и разную, она успела полюбить.

Новости доходили разные. Она знала, что её отец прилагает все усилия, требуя её возвращения. Что католические монархи убеждают его, что заботятся о ней как о своей дочери, а возвращение морем очень трудно, а сушей через враждебную Францию еще сложнее. Что Гуттиере де Фуэнсалида, представляющий испанский двор при императоре, крутится ужом, убеждая Максимилиана в неразумности требования скорейшей отправки его дочери, то пугая пиратами, то объясняя, что даму такого ранга нельзя отправить без достойного эскорта, то пытаясь играть на знаменитой скупости императора. Но Максимилиан настаивал, он понимал, что Маргарет вновь стала в некотором роде заложницей в политической борьбе. К тому же совершенно очевидно, что у него были свои виды на её новый брак.

Радость и печаль продолжали идти рука об руку. Странные новости приходили из Фландрии. В тайных донесениях королю и королеве говорилось о неадекватном и даже ненормальном поведении их дочери Хуаны. Её страсть к своему супругу выходила за грань разумного: она не давала ему прохода, не оставляла его ни на минуту, ревновала ко всем и каждому (судя по всему, причины для ревности у неё были), требовала постоянного внимания и изъяснения чувств. В результате герцог Филипп устал от страстей своей жены и стал все больше от неё удаляться. Говорили, что Хуана запиралась и билась головой об стену в такие минуты, разбивала все, что попадалось под руку, разрывала белье в своей спальне. Отправленный к Хуане встревоженными королями специальный посланник подтвердил, что сложившуюся ситуацию трудно назвать нормальной. Впрочем, Хуана отказалась с ним разговаривать и вообще встречаться. Но приходили и радостные новости: в ноябре того же 1498 года у Хуаны и Филиппа родилась дочь Элеонора.

Но перед этим королевскую чету и всю семью вместе с ними постигло и новое несчастье. Королева Португалии Изабелла умерла при родах. Королевская чета потеряла второе дитя меньше чем за год! Королева Изабелла упорно продолжала видеть в этом заговор. Двор вновь погрузился в траур.

Новорожденный принц Мигел, ставший невольной причиной смерти своей матери, унаследовал три короны: Португалии от своего отца, Кастилии и Леона от бабки и Арагона от деда. Его немедленно провозгласили Мигел да Паш, что значит «Мирный». Напряженные переговоры между его отцом, королем Португалии Мануэлем I, и католическими королями закончились победой последних. Было решено, что младенца отправят на воспитание царственным деду с бабушкой, чтобы они могли подготовить его к великой роли объединителя всего Иберийского полуострова. Вскоре голубоглазый и рыжий малыш прибыл к королевскому двору, и королева Изабелла вновь начала хоть изредка улыбаться.

Время летело, и прошел еще год, прежде чем Маргарет отправилась в обратный путь домой. Жизнь не стояла на месте. Её отец Максимилиан потерпел поражение в войне со швейцарским союзом. Его расхождения с сыном Филиппом становились все более заметными: сын откровенно симпатизировал французам и ненавидел, кажется, своих испанских родственников. Отец же твердо держался происпанской политики, противостоя совместно с Фердинандом и миланским герцогом Лодовико Сфорца попыткам французоз захватить Италию. Людовик XII женился-таки на Анне Бретонской (Маргарет почувствовала облегчение, ходили упорные слухи, что её брат надеется на её брак с королем, она же категорически не хотела входить в эту реку второй раз, она уже побывала королевой Франции, причем крайне неудачно). Осенью у них родилась дочь Клод, живая и здоровая, её рождение давало надежду и на появление долгожданного наследника. Во всем следуя по стопам своего предшественника, французский король развязал новую войну с Италией и, заручившись поддержкой Филиппа Бургундского, занял Милан. Европа снова погружалась в пучину войны.

Протеже её бабушки Маргариты Йоркской, претендент на английский престол Ричард, был в конце концов схвачен войсками короля Генриха VII. Под пытками в Тауэре он признался в том, что он самозванец, его настоящее имя Перкин Уорбек, родился он в городе Турне, много путешествовал. На идею выдать себя за выжившего принца Ричарда, законного наследника английского престола, навело его большое внешнее сходство с королем Эдуардом IV. Придворные сплетники немедленно объявили его очередным незаконнорожденным сыном этого любвеобильного короля. Король Генрих поначалу был крайне снисходителен к схваченному самозванцу, разрешил ему проживать при дворе и даже принимать участие в королевских приемах. Однако после второй попытки побега Уорбек был в конце концов казнен. Его супруга леди Кэтрин Гордон, из знатного шотландского рода, была отпущена на свободу и стала любимой придворной дамой супруги Генриха Елизаветы Йоркской. Поговаривали, что королева верила, что казненный супруг её фаворитки все-таки был её братом. Маргарита Йоркская, вдовствующей

щая герцогиня Бургундская, открыто настаивала на том, что погибший был её племянником Ричардом, оклеветавшим себя под пытками. Новым протеже неугомонной бабушки Маргарет и новой надеждой на возрождение Йоркской династии на английском троне стал её настоящий племянник, сын сестры Елизаветы, Эдмунд де ля Польш.

Много перемен произошло и в испанских землях. Скончался всемогущий и всеильный Томас де Торквемада, первый великий инквизитор Испании. Его место занял Диего де Деца, бывший наставник Хуана. Он продолжил политику своего предшественника, огнем и мечом истребляя ересь и преследуя новообращенных – марранов и морисков. Скончался и министр финансов, доверенный советник Фердинанда Луис де Сантанхель. Его хитроумные финансовые схемы, политика лавирования, умение ловко выбираться из сложных ситуаций на раз оказывались крайне полезными католическим королям. Его потерю остро ощущали при дворе. Без его покровительства оказался беззащитным и его приятель Христофоро Колумбо.

Португалец Васко де Гама открыл морской путь в Индию вокруг африканского континента. Он вернулся с большим грузом пряностей. Его плаванье всем показало, что Колумбо открыл не Индию, а значит, он обманщик. К тому же присылаемая Колумбо в казну добыча была не велика и с трудом покрывала расходы на его путешествие. Монопольное право Колумбо, дарованное ему королевской четой, было отменено. В колонию на Эспаньолу был отправлен королевский представитель Франсиско Бобадилья, который взял в свои руки власть на острове, арестовал Христофоро Колумбо и его братьев. Тот, кого совсем недавно называли величайшим мореплавателем всех времен, был отправлен в Испанию в кандалах.

Перед отъездом Маргарет побывала-таки в Гранаде. Город совершенно очаровал ее, своей экзотичностью, своей ни на что не похожей красотой, своим неповторимым восточным ароматом. Она влюбилась в сады Хенералифе, бывшие не так еще давно летней резиденцией эмиров, словно парящие над дворцовыми постройками Альгамбры. Неповторимое сочетание ярких красок цветущих растений, звука журчащих фонтанов и цветочных ароматов оставило неизгладимый след в её душе. А гранат – символ города, растущий здесь повсеместно, она решила взять в качестве одного из своих символов. Его цвет напоминал ей столь любимый ею цвет бургундского вина, а сладкий сок – мгновения страстной любви с её принцем.

Здесь она простилась с испанским двором и католическими монархами, ставшими, пусть и ненадолго, её семьей. Она вспомнила, как чуть более двух лет назад просталась с Фландрией, с родными, как она думала, навсегда. «Удивительная вещь время», – думала Маргарет. Кажется, что она только вчера приехала в эти новые для неё и удивительные земли, полная надежд и чаяний, с мыслями о своем великом предназначении и грандиозном будущем. И вместе с тем такое чувство, что за это время прошла целая жизнь – она вышла замуж, познала любовь, побыла наследницей обширных владений, узнала вкус славы и всеобщего поклонения, очень короткое счастье материнства, пока её дитя было в ней, и одновременно понесла тяжелейшие утраты в своей жизни – мужа и ребенка – познала горечь потери и горькое разочарование. А тут еще эти разговоры об отравлении, она старалась гнать их, трудно было представить, что все эти несчастья связаны с такими вещами, как власть, титул или царская кровь. Какое ей дело до грандиозных замыслов, если она несчастна?..

Изабелла и Фердинанд были внимательны к ней до последнего дня. Королева нежно обняла её на прощанье, и в её глазах девушка увидела слезы. Изабелла сильно изменилась за последнее время, она стремительно старела, из гордой величественной королевы, матери своих подданных и грозы неверных, потихоньку превращаясь в старую уставшую женщину, потерявшую своих детей и разочаровавшуюся в своих надеждах. Фердинанд же по-прежнему оставался деятельным и энергичным, еще более активно вовлекаясь в мировую политику и интриги. Он чем-то напоминал Маргарет её отца, для того тоже игра во власть, поиски союзников, борьба за земли (как будто у него их мало!) были превыше личных радостей и горестей, и дочь свою он яростно требовал домой не потому, что скучал по ней или жалел, а потому что она нужна

была ему в его политических играх. Маргарет вздохнула. Она рвалась домой, её больше ничто не удерживало в Испании, но и дома, похоже, её вновь никто не ждал.

Маргарет нежно простилась со своими названными сестрами, она привязалась к ним, хотя они и были так не похожи на неё – серьёзные, очень набожные, чуждавшиеся веселья и шумных сборищ. Поговаривали, что Мария вскоре займет место своей покойной старшей сестры при дворе и в постели португальского короля Мануэла. Каталина, которой уже было 14, ждала со дня на день вызова в Англию для бракосочетания с принцем Уэльским Артуром, неутомимый Дон Педро де Айала, перебравшийся из Шотландии в Лондон, неустанно об этом пёкся. Он же передал и секретную информацию, которую Изабелла донесла до Маргарет, о том, что ведутся тайные переговоры о возможности брака её, Маргарет, с шотландским королем Яковом IV или, что того хуже, все с тем же Артуром! Изабелла, кажется, специально передала эти слухи, чтобы посмотреть на реакцию девушки. Такой союз сильно бы навредил отношениям испанских монархов и с бургундским герцогом Филиппом (именно он был инициатором английского брака своей сестры), и с императором Максимилианом. А Маргарет и вовсе бы выглядела предательницей, она знала, как важен этот союз для Испании и сколько сил Фердинанд и Изабелла положили на его устройство. Но её судьба была не в её власти, хотя про себя она и решила сопротивляться такому ходу событий. Это было неумно, в конце концов, испанские монархи были мощные и давние союзники, Филиппу надо было объяснить все невыгоды конфликта с ними.

Маргарет было разрешено взять с собой свадебные подарки: испанские монархи были щедры и осыпали супругу своего сына роскошными драгоценностями, золотыми сосудами, мавританскими коврами, гобеленами, расшитыми золотыми нитями (эта практика во Фландрии практически не использовалась), превосходными тканями, бесценными манускриптами и картинами. Все это было упаковано и погружено, чтобы взять с собой домой. Сопровождение Маргарет было весьма многочисленным. Некоторые художники, поэты и молодые ученые также изъявили желание отправиться с вдовствующей принцессой в земли, которые считались весьма благоприятными для процветания наук и искусства. Итальянец Якопо де Барбари был в их числе.

Последнее, что узнала Маргарет перед отъездом из Гранады, было известие, что Христофор Колумбо назвал открытый им остров в её честь – остров Маргарита, он был необычайно богат жемчугом, часть присланного монаршая чета подарила Маргарет в качестве прощального дара. Участь же самого мореплавателя, как и участь Маргарет, была неопределенна.

Долгое шествие через испанские земли, в которых Маргарет продолжали приветствовать как свою принцессу, наконец завершилось. Прибыв во французский город Байонна, она попрощалась с эскортом, который дал ей король Фердинанд. Незадолго до этого они пересекли границу Кастилии, и Маргарет мысленно попрощалась и со своим возлюбленным нежным принцем, и с маленькой царственной дочкой, оба они оставались там навсегда, обретая уже вечное успокоение. Ей же предстояла жизнь и новые повороты судьбы. Сейчас ей казалось кощунственным даже думать, что она сможет еще когда-нибудь быть счастлива. Или снова размечтаться о славе и величии. Нет, нет, это все в прошлом. Впереди серые будни и честное выполнение дочернего и сестринского долга, это всё, что ей осталось.

В Байонне её ждала свита, присланная герцогом Филиппом. Когда Маргарет увидела Жанну де Альвен, которая кинулась к ней с распростертыми объятьями, а за ней старческое улыбающееся лицо Молине, она неожиданно расплакалась. Это было так глупо, так недостойно, но слёзы сами текли по щекам, пока пышная Жанна душила её в своих объятиях. Они показались ей такими родными, своими, теплыми и душевными, только сейчас она поняла, что испанцы так и остались чужими для неё, хотя она полагала, что легко влилась в их мир.

Они задержались в Байонне дольше, чем предполагали, ждали оформления бумаг, а также финансовых средств для продолжения путешествия, которые, как водится, запаздывали.

Их поселили в так называемом Старом замке, построенном местными виконтами еще в XI веке (Новый замок был возведен англичанами два столетия спустя). Он находился в самом центре города, совсем рядом с прекрасным Собором Девы Марии, куда Маргарет со свитой ходила молиться. Ей казалось, что она снова маленькая девочка, брошенная своим королем и возвращающаяся домой. В каком-то смысле Хуан её бросил: как он мог, такой молодой, такой красивый, такой живой, уйти от неё? её захлестывала обида при этой мысли. А теперь она, словно разменная монета, никто не знает, в чью постель попадет.

Жанна спешила поделиться новостями. Они частенько сживали узким дамским кругом, потягивая вино: здесь в ходу было легкое, простое вино, розового цвета, называемое англичанами «кларет». Встреча мадам де Альвен с Алеонор де Пуатье была церемонной, но дружеской. Дамы были слишком разными по характеру, но годы, проведенные при одном дворе, любовь к одним и тем же людям, сходство судеб сблизили их. Их диалоги напоминали рыцарский турнир: выпады, атаки, удары, столкновения, но при строгом соблюдении правил и взаимной куртуазности. При этом Маргарет всё время казалось, что они обе тайно получают удовольствие от своих стычек.

А юная Марго была просто счастлива видеть родные лица. Маргарет осознала, что обе её придворные дамы, и старшая, и младшая, безмерно страдали при испанском дворе, особенно в тот период, когда возвращение домой стало реальностью, но ожидание его тянулось бесконечно долго. «Как же я была слепа, – вновь подумала Маргарет, – сначала в своем бескрайнем счастье, а потом в своем безграничном страдании».

Алеонор первым делом поинтересовалась здоровьем и настроением её светлости герцогини Бургундской.

– О, Маргарита непобедима, как и всегда, – охотно откликнулась Жанна. Алеонор поморщилась от такой фамильярности. – Живет в своем дворце в Мехелене и неустанно руководит всем и вся вокруг. Никакая малость не может ускользнуть от её внимания. Несмотря на её чрезмерное увлечение Йоркскими претендентами на престол и опрометчивые поступки, которые она из-за этого иногда совершает, её очень уважают в наших землях. В первую очередь она все-таки герцогиня Бургундская, а потом уже Йоркская. К тому же она последовательна и разумна, а бургундская политика сегодня нуждается в хладнокровном руководителе. Все знают, как она обожает герцога Филиппа, и он, кстати, платит ей тем же, она, кажется, единственная женщина, которой он хранит верность.

– А если отвлечься от досужих сплетен, – оборвала начало столь интересной темы Алеонор, – какова сейчас позиция герцога во внешних и внутренних делах? Мы так давно не были дома и все новости узнавали только от испанских посланников. – Она презрительно улыбнулась.

– А если говорить о позиции герцога, – Жанну было не так легко сбить, – то она сейчас, главным образом, в спальне Катрин, Элеонор или какой-нибудь другой придворной красавицы, точно никто уследить не может. Это касательно внутренних дел. А что касается международных, то они решаются им с точки зрения того, чтобы можно было спокойно и не торопясь наслаждаться внутренними. Все знают, что наш герцог любит пиры, женщин, хорошее вино и красивые наряды. Я его нежно люблю, он вырос на моих глазах, он по-своему добрый, хотя и не со всеми, милый, очень привлекательный в общении, нет человека любезнее его. Но правят за него бабка и отец. Причём воле последнего он отчаянно сопротивляется.

– Да, я слышала, что они не ладят с отцом, – вмешалась Маргарет, её сердце наполнялось горечью при мысли об этом, она любила обоих.

– Не ладят? Да у них просто состояние перманентной войны. Филипп, кажется, большинство решений принимает исключительно в пику своему отцу. А для императора Максимилиана его сын – самое большое разочарование в жизни. А он знавал много поражений. Они абсолютно чужды друг другу. И их счастье, что есть старая герцогиня. С того момента, как ваш

отец стал женихом, потом и мужем моей милой Марии, герцогиня Маргарита заняла твердую позицию (она вообще редко меняет свои взгляды и предпочтения): полная и безоговорочная поддержка Максимилиана. Она много раз выручала его, и словом, и делом, и финансами, она сохранила полную лояльность ему, несмотря на разноречивость его поступков и решений. В тот момент, когда многие в нижних землях отвернулись от него, герцогиня протянула ему руку друга и оказала всестороннюю поддержку. Вот и сейчас она умело лавирует между сыном, отцом и своими собственными политическими взглядами, направляя бургундскую политику в относительно безопасное и верное русло.

– Максимилиан не теряет надежды вернуть герцогство Бургундское своему сыну, продолжала Жанна, – оно ведь сохранилось только в титуле, а территория самого герцогства отошла к французской короне после гибели Карла Смелого. В этом вопросе я прекрасно понимаю Максимилиана, это одна из самых главных наших потерь, которую никак не удаётся вернуть. Но Филипп делает всё, чтобы помешать своему отцу, его стремление к союзу с Людовиком XII и любовь ко всему французскому хорошо известна. Иногда я думаю, что он восхищается Францией именно потому, что знает о ненависти к ней своего отца.

Ещё более печальные вещи рассказывала мадам де Альвен про семейную жизнь Филиппа. В данном случае она была целиком и полностью на его стороне.

– Нет, конечно, он легкомыслен и любит женщин. Но первое время он был очень внимателен и заботлив к своей жене. Но кто может вынести женщину, которая крайне редко улыбается, воспринимает всё очень серьёзно, всё время молится и ревнует его даже к кобыле в стойле? Они слишком разные. Она строгая, мрачная, а теперь вся её жизнь – в нём. Она даже не интересуется своей очаровательной дочкой! И, кстати, она снова в ожидании, мы так надеемся, что это будет мальчик. Но всё это проходит мимо неё. У неё есть одна звезда на небосклоне – Филипп. А он легок и жизнерадостен, зачем ему эта испанская страсть? Скажу честно, мне иногда кажется, что у неё не всё в порядке с головой, уж больно странно она себя ведёт. А может, она и правда так сильно влюблена в своего мужа, как никто из нас представить не может. Говорят же, что от любви можно потерять голову. Или она просто совсем другая, не похожая на нас, и в этом всё дело. Хотя до неё множество южных принцесс – португальских и испанских – прекрасно вписывались в другую жизнь, у вас вот и бабка, и прабабка по разным линиям были португалки, и они стали чудесными женами своим царственным мужьям. Мы все очень надеемся на вас, Маргарет. Может, вы сможете повлиять на неё, дать ей понять, что жизнь сложна и разнообразна – есть муж, который иногда может и ошибиться, есть дети, которые нуждаются в любви и заботе, есть государственные дела, которым надо уделять больше внимания. Есть люди вокруг, в конце концов, она не сделала ничего, чтобы сблизиться со своим новым окружением.

«Да, я, конечно, лучший специалист во всех этих областях – брак, дети, управление, – думала Маргарет, – я очень преуспела в этих вопросах». Но решила, что сделает всё, чтобы помочь любимому брату и невестке, о которой у неё остались теплые воспоминания, как о бедной испуганной лани, оказавшейся среди охотников.

Однажды Марго набралась храбрости и поинтересовалась, как поживает Флорис ван Эгмонд. Это вызвало бурю веселья у Жанны де Альвен.

– Как он поживает? Вот это вопрос! Да отлично, моя милая! Танцует на всех пирах так, что, наверное, меняет туфли по несколько раз за вечер. И всегда окружён прекрасными дамами. А если серьёзно, он входит в совет герцога Филиппа и много помогает ему в государственных делах. К тому же он ещё и военачальник бургундской армии. Я думаю, он далеко пойдёт, его преданность бургундскому дому не вызывает сомнений. И, о да, вы, наверное, забыли об этом спросить, моя дорогая, он всё ещё не женат. Хотя молодых охотниц за женихами вокруг него хватает. Вам лучше поторопиться и не сидеть тут с нами, а мчаться на родину.

Обсуждали и общеевропейские дела. В Италии полыхала война, и все были в неё вовлечены. Цезарио Борджия при поддержке французской армии творил чудеса: итальянские города

сдавались почти без боя. Жители городов знали: он обещал, что никто в этом случае не пострадает. Под страхом смертной казни его солдатам запрещалось грабить или как-то притеснять местное население. Супруга его, Шарлотта д'Альбре, осталась во Франции, она ждала ребенка. Её сестра Луиза вышла замуж за Шарля де Круа-Шиме, которого Максимилиан возвел в ранг имперского князя, а его графство Шиме в княжество, даровал ему Орден Золотого Руна и всячески обласкивал. Ален д'Альбре не зря получил прозвание Великий: даже находясь в опале, он продолжал устраивать свои дела посредством детей: сына женил на королеве Наварры, дочь отдал за сына Папы Римского, а другую отправил на всякий случай к бургундскому и императорскому двору.

Жених Шарлотты Николя де Лаваль также сражался бок о бок с новым мужем своей королевы, он служил Людовику так же честно, как и Карлу перед этим. Присоединился к новому королю и Филипп Клевский, окончательно порвавший с императором Максимилианом. Они были с королем кузенами, оба были внуками Адольфа Клевского и Марии Бургундской. Анна Бургундская, его мачеха, оставалась при дворе герцога Филиппа, хотя всё больше времени проводила в семейном замке Вейнендале.

Луизу Савойскую с детьми Франциском и Маргаритой (Маргарет льстила себя мыслью, что имя дочери было выбрано в память об их юной дружбе) Людовик, приходившейся её покойному супругу также кузеном, только по отцовской линии, пригласил ко двору. Они радостно покинули замок Коньяк, так как Луиза, души не чаявшая в детях, мечтала приблизить их к светской жизни и дать лучшее образование. Её невзлюбила королева Анна, слишком они были разные. К тому же сын Луизы стал первым в ряду наследников престола в том случае, если королева не произведет на свет потомка мужского пола. Злые языки поговаривали, что каждую неудачу Анны и Карла VIII в вопросах деторождения Луиза отмечала пышным праздником. «Да, это похоже на импульсивную и эгоистичную Луизу, вполне в это поверю, как ни печально, – думала Маргарет, – хотя бедная Анна, всё, что могу сказать!» Рождение у Анны и её нового короля дочери тоже было встречено радостью, она не составляла конкуренции обожаемому Франциску. Луиза поселилась с детьми в Амбуазе. Людовик предпочитал свой родовой замок в Блуа, и Анна с двором проживали там.

Как-то они остались вдвоем с Жанной, и разговор зашел о том, что давно волновало Маргарет. О её предполагаемых женихах. Жанна была в курсе всех вариантов, которые рассматривались её братом и отцом, оба они старались извлечь из её будущего свою (государственную) выгоду и действовали каждый исходя из своих интересов. Филипп действительно мечтал о её союзе с Людовиком XII, это позволило бы ему достичь желанной близости. «Но, я думаю, к счастью для вас, – добавила Жанна, – он уже занят». Филипп также подумывал об английском браке для своей сестры, это позволило бы ему насолить своим испанским родственникам. Он же думал и об овдовевшем короле Португалии Мануэле, это было рядом с испанскими землями и могло доставить Изабелле и Фердинанду много проблем.

Максимилиан же следовал своим интересам. Среди его кандидатур был миланский герцог, его союзник Лодовико Сфорца, по прозвищу Моро. Пятидесятилетний герцог славился как покровитель искусств. Достаточно упомянуть, что у него при дворе работал великий Леонардо да Винчи, причем не только в качестве живописца, скульптора и архитектора, но и распорядителем пиров. Великий человек велик во всем, ходили слухи о каких-то удивительных кухонных приспособлениях, которые придумал этот гениальный изобретатель и фантазер. Лодовико также был известен любовью к прекрасному полу, многочисленными прекрасными любовницами и внебрачными детьми. Правда, Моро сейчас был не в лучшем положении, так как французский король Людовик одержал над ним сокрушительную победу. Но всё ещё можно было исправить, во всяком случае, так считал её отец император.

Интересы Максимилиана в значительной степени были сконцентрированы на востоке Европы, так что неудивительно, что еще одним из возможных претендентов на руку его дочери

стал король Чехии и Венгрии Владислав (в Венгрии его величали Уласло). Жанна, как и Маргарет, мало что знала об этом монархе, кроме того, что к своим сорока пяти годам он был дважды женат, оба раза неудачно: первая жена подала на развод, а брак со второй, ею была тетка Карлотты Неаполитанской Беатриса, был признан незаконным ко взаимной радости. Оба брака были бездетными, что смущало старую фламандку. Она надеялась, что в новом браке её подопечная все-таки узнает радости материнства.

Маргарет слушала Жанну с особым вниманием. Ни одна из кандидатур не вызывала у неё симпатии. Впрочем, кто вообще мог вызвать у неё симпатии сейчас, когда она всё ещё не отошла от своего горя и поражения. А она воспринимала свою судьбу как личное поражение.

Приезд Жана Молине в составе её эскорта был для Маргарет приятным сюрпризом, он был уже стар для таких поездок.

– Я не мог не поехать, я сам напросился, и ваш великодушный брат даровал своё разрешение. Ведь я ваш личный библиотекарь, не так ли? В ваше отсутствие я обновил каталоги. И с нетерпением жду знакомства с новыми манускриптами. Есть ли среди них мавританские? Говорят, они большие мастера миниатюр и те совсем не похожи на наши. Да, и кстати, я нашел себе помощника, который, полагаю, в скором времени заменит меня. Если, конечно, заслужит вашу благосклонность. Он тоже поэт, только гораздо умнее и остроумнее меня. И значительно моложе. Это мой племянник Жан Лемер де Бельж. Мне же, увы, недолго осталось мучить своим присутствием землю-матушку.

С Молине они много гуляли по городу. К ним частенько присоединялся Якопо Барбари, который сдружился с поэтом. Байонна Маргарет понравилась. Светлый, просторный город, на слиянии двух рек: в самом центре река Нив впадала в полноводную и широкую реку Адур, и, объединившись, они несли свои воды в Атлантический океан. Город естественным образом был разделен реками на части: Гран-Байонн, высокая часть на левом берегу, была центральной, здесь располагался старый замок и главный собор города, она была изрезана каналами, которые облегчали торговлю и вызвали у Маргарет смутное сходство с родными ей нижними землями. Квартал Сан-Эспри располагался на правом берегу реки Адур. Когда-то это место заняли служители Ордена госпитальеров Святого Духа (отсюда и название квартала), построили здесь приют и церковь. Через город проходил знаменитый путь паломников – дорога Святого Иакова, ведущая к могиле святого в местечке Сантьяго-де-Компостела. Отсюда начиналось восхождение на Пиренеи и заключительная часть пути уже по испанским землям. Позднее вокруг стали селиться разные люди, в основном иностранцы и те, кто бежали из Испании и Португалии. Рассказывали, что в последние годы заметно возросло число переселенцев-евреев, бежавших от инквизиции, – марранов и тех, кого называли здесь сефардами. Это новое для Маргарет и Молине слово означало испанских евреев, отказавшихся принять крещение и предпочетших покинуть родные места. Наконец, третий район, в Пети-Байонн, как бы зажатый между двумя реками, был еще три столетия назад продан епископам в качестве вольной гавани. Здесь же Людовик XI построил Новый замок как символ новой жизни города.

Молине хорошо подготовился и во время прогулок без усталости развлекал Маргарет рассказами о городе. И он по-прежнему пересыпал речь странными народными поговорками, смысл которых, впрочем, был вполне очевиден.

– Это место являет собой весьма забавное смешение языков и культур.

Маргарет поддержала:

– Это да, я не понимаю ни слова из того, что мне здесь говорят. А я-то думала, что французский у меня родной.

– У вас, ваше высочество, да, а вот у здешних жителей – нет. По большей части это гасконцы, понять которых не может ни один житель земли. Дикая медведь общается только с себе подобными. А гасконцы – народ дикий. У них была слава лучших воинов Англии, а

теперь Франции. Правда, иногда мне кажется, что они сами эту славу и разнесли по миру, они страшные хвастунишки.

– А когда-то на том самом месте, где мы стоим, был римский каструм, поселение, укрепленные стены которого до сих пор встречаются на улицах города. Его называли Лапурдум, а провинцию Лабурдан. Великий Юлий писал о здешних местах и непокорном племени тарбеллов, обитавшем здесь испокон времен. Место это было крайне важно, сюда сходились дороги, ведущие на Иберийский полуостров, поэтому римляне держали здесь большой гарнизон. Позднее эти земли захватило племя васконов, которые смогли отбить их у различных германских племен, захвативших земли бывших римских колоний. Потом пришли франки. Васконы исчезли, название Васкония превратилось в Гасконь, которая стала частью Аквитанского герцогства.

– И вот новый поворот в истории здешних мест. Любвеобильная и своенравная Алеонора Аквитанская, единственная наследница обширнейших земель на западе Франции, принесла все эти богатства в приданое королю Англии Генриху II. Я до сих пор не понимаю, как французский король Людовик VII, женатый на Алеонор, мог допустить развод. Ведь его земли были значительно меньше тех, которые принадлежали красавице-герцогине. Однако это случилось, и богатейшее герцогство на три столетия стало собственностью англичан. Как говорят у нас, если ворота открыты, свиньи бегут из хлева. Конечно, некоторые легкомысленные английские короли очень неосмотрительно растеряли значительную часть своих земель во Франции, но те места, где мы с вами находимся, вплоть до середины нашего века были английскими.

Однако здешним жителям это пошло на пользу. Байонна получила множество торговых привилегий. И самой главной стало монопольное право поставки в Англию вин региона Бордо. А также знаменитых местных окороков, которые здесь готовят удивительно вкусно. Ну не говоря уже о том, что англичане построили тут судоверфь, военную базу и крепость. Город получил также хартию вольности и почувствовал себя свободнее соседних французских регионов. Романтический король Ричард Львиное Сердце любил выпить здесь стаканчик-другой винца и закусить ломтем доброго окорока из местных черных хрюшек.

Освобождение же здешних мест от англичан тоже прошло вполне безболезненно, в отличие от многих других регионов. И все благодаря местному епископу, который увидел во сне большой белый крест, увенчанный короной, которая в небесах чудесным образом покрылась лилиями. Это вполне убедило жителей Байонны в необходимости сдать город французским войскам без боя. Что может быть убедительнее сновидений епископа!

А вот после этого, как говорится, пришлось им свалиться с быка на осла, настали для них черные дни. Уход англичан лишил их торговых привилегий и вообще привёл торговлю в упадок. Но мало этого. Сначала случилось внезапное заиливание дна, что парализовало здешний порт. А потом и вовсе река Адур решила отклониться к северу. словно ей не понравилось такое недоброе обращение с англичанами и неумение видеть свою выгоду. Словом, теперь город Байонна как мотыга без ручки, совершенно бесполезен. В каком-то смысле испанцы своей политикой оказали ей великое благо, прибывающие сюда еврейские семьи могут дать городу новый коммерческий шанс, они не бедны, как правило, имеют своё дело и весьма предприимчивы. А гасконцы хороши только в качестве наёмников в армии.

Дни летели. Маргарет наконец чувствовала себя спокойно: её испанский брак стал уже историей, а новый ей не грозил, пока она находится вне владений своих родных. Её вполне устраивало то взвешенное состояние, в котором она оказалась, будущее пугало девушку.

Пришло письмо от короля Людовика XII. В самых наилюбезных словах он выражал свою неизменную любовь и преданность к «милой подруге его светлых детских забав». Маргарет усмехнулась: когда её трехлетнюю привезли в Амбуаз, ему уже было за 20, так что невинные детские игры были скорее плодом его воображения. Хотя он и был всегда с ней любезен, как воспитанный взрослый юноша с маленькой девочкой, да еще и королевой. Сейчас он предлагал

ей всяческую помощь, прислать отряд сопровождающих, приглашал навестить королевский двор. Маргарет тоже очень любезно, но отклонила все предложения.

Наконец, все было готово и Маргарет с сопровождающими тронулись в путь. Дорога домой растянулась на полгода. Порой они были вынуждены останавливаться из дипломатических соображений, Маргарет весьма тепло приветствовали в французских городах, то ли в память о её малолетнем царствовании здесь, то ли из уважения к юному вдовству, то ли из боязни перед её братом и отцом. Приходилось задерживаться и принимать гостеприимство хозяев. Иногда заканчивались средства, и их приходилось подолгу ждать.

Рождество встречали в пути. Год был особенный, Святой, или Юбилейный, как называла его Святая Церковь. В народе его величали Лето Господне. К тому же в этот раз он открывал новое столетие. Такой год считался особенным, временем отпущения грехов и всеобщего прощения. Празднование его сопровождалось особой радостью и благодатью. Традиция празднования упоминалась еще в Ветхом Завете, в Книге Левит: «... и освятите пятидесятый год и объявите свободу на земле всем жителям её: да будет это у вас юбилей; и возвратитесь каждый во владение свое, и каждый возвратитесь в свое племя». Его и праздновали сначала каждые 50, а последнее время каждые 25 лет, чтобы каждое поколение имело возможность пережить его.

Из Ватикана пришли известия о чрезвычайно пышном праздновании Рождества и Юбилейного 1500 года. Если верить сообщениям тех, кто присутствовал на празднике, а Максимилиан любезно присылал дочери все наиболее интересные донесения своих посланников, на торжества собралось более 200 000 паломников. Трудно было даже представить себе такое сборище. Папа Александр VI в этот год ввел новые ритуалы, восстановив, как утверждали его церемониймейстеры, древние традиции. Папа с ближайшими помощниками, у всех в руках зажженные свечи, прошеествовали через весь собор Святого Петра к Porta Sancta, Святым Дверям, которые всегда стоят закрытыми. Папа трижды постучал в Двери, и они распахнулись изнутри, процессия прошеествовала через них. Хор в это время распевал:

Странник я на земле; не скрывай от меня заповедей Твоих.

Истомилась душа моя желанием судов Твоих во всякое время.

Ты укротил гордых, проклятых, уклоняющихся от заповедей Твоих.

Сними с меня поношение и посрамление, ибо я храню откровения Твои.

После Рождества и наступления Нового, Юбилейного, года они были торжественно закрыты на следующие 25 лет.

Ожидание перемен и наступления новой эпохи витало в воздухе. Маргарет думала и о том, что ждет её в грядущем веке. Ей вскоре исполнялось 20 лет, она многое пережила, но так и не обрела своего места в жизни. Она чувствовала необычайный прилив сил, ей хотелось что-то сделать, быть нужной где-то, она многому научилась за последние годы, многое узнала. Оставалось только применить все свои знания и навыки в жизни.

Во Фландрию они прибыли в самом начале весны. Их прибытие на этот раз прошло незамеченным: все были заняты подготовлением к другому важнейшему событию – крестинам наследника герцогов Бургундских, которого назвали Карлом. Когда Маргарет впервые увидела младенца, её сердце растаяло. Она стояла над колыбелью, смотрела на его пухлое личико, рыжие волосенки на голове и думала обо всём том, что она знала. О древней крови, которая заставляла их всех жить и умирать не так, как они хотели. О честолюбивых планах, которые теперь, как она понимала, возложены на этого малыша. О том тяжелом бремени ответственности за будущее Европы и мира, которое он, ещё ничего не понимая, уже нёс на своих плечах.

Ещё она думала о своей матери Марии, это её внук и наследник лежал в богато разукрашенной, как и положено наследному принцу, колыбели. Вот, оказывается, что она чувствовала, когда у неё родился первенец – светлую радость от того, что он есть на свете, и темный страх за его будущее. Маргарет понимала, что это не её дитя, но чувствовала именно это. Удастся ли ему осуществить всё то, что от него ожидают? Какие беды встретят его на жизненном пути,

чем придется заплатить за величие своих предков? Его назвали Карлом, как его неукротимого, смелого и мужественного прадеда, последнего герцога Бургундского, владевшего герцогством во всем его величии. И как другого его отдаленного предка, Карла Великого, прозывавшегося Императором Запада и объединившего почти всю Европу. Имя ко многому обязывало: в переводе оно означало просто «мужчина», а во многих языках стало означать и просто самого монарха – «король».

Удивительная нежность охватила девушку. Кто знает, что было тому причиной – недавняя потеря её собственного ребёнка, ощущение сиротства – Хуана почти совсем не интересовалась сыном, знание великой тайны и великой миссии, которая была возложена на этого розовощекого малыша. Кто знает, но он стал её любовью с первого взгляда. Она почувствовала великую ответственность за это маленькое беззащитное и такое трогательное существо.

Крестины Карла были великолепно. То, что продолжало называться бургундскими землями, давно такого не видело. Город Гент, где родился Карл, превзошел сам себя. После гибели Карла Смелого здесь не бывало такого размаха. Пухлый розовощекий малыш стал надеждой нижних земель, и Гент был горд тем, что именно здесь он родился и крестился. Габсбургов по-прежнему отвергали и ненавидели. Герцог Филипп был занят женщинами и слишком любил Францию. Но Карл родился в Генте, здесь он вырастет и станет подлинным правителем здешних мест. Таково было всеобщее чувство, давшее радость и ликование по случаю торжеств.

Весь город был украшен: на домах вывесили праздничные флаги, ткани и гирлянды. По всему пути следования кортежа из герцогского дворца до церкви Святого Иоанна были сооружены триумфальные арки, украшенные символами власти, факелами и лозунгами, сулившими малышу все возможные доблести и совершенства. Весь город был освещен тысячами факелов, которые украшали дома и сопровождали процессию. Шествие включало в себя рыцарей Ордена Золотого Руна, глав гильдий, членов городских судов, всех знатных граждан бургундских земель. Каждый нёс в руке факел. Представители высшей знати несли купель и другие необходимые элементы крещения. Восторг был всеобщим.

Он достиг апогея, когда появилась вдова Карла Смелого, когда-то несшая к крещению отца младенца, герцога Филиппа, в руках которой был маленький принц и наследник. Рядом с ней в глубоком трауре шла Маргарет, избранная крестной матерью младенца. На пышном празднестве в тот день гулял весь Гент.

Затем потекли обычные дни. Маргарет так и не смогла установить дружеских отношений с Хуаной, хотя и очень старалась. Та просто пряталась от сестры своего обожаемого супруга. Что было с ней? Неприятие чужой культуры и ревность, вполне обоснованная? Или правда сумасшествие. Маргарет так и не поняла.

Филипп предоставил сестре дворец в Ле-Кенуа, к югу от Валансьена. С ней вместе отправились и многие из её знакомых: Жанна де Альвен, Жан Молине, для него эти места были родные, Марго, которую вскоре по возвращении просватали за Флорис ван Эгмонда, он тоже присоединился ко двору Маргарет. С ней был её духовник аббат Антонио Монтекью, некоторые из обласканных ею людей искусства, Якопо Барбари, племянник Молине Жан Лемер и другие. Присоединился к её двору и брат Яна и Хендрика ван Бергенов Антон, настоятель аббатства Святого Бертрана в Сент-Омере и весьма влиятельная личность в регионе. Частенько навещала Анна Бургундская, и они вели долгие разговоры о прошлом.

Среди её окружения появилась и Катарина, красивая статная служанка. Маргарет смутно помнила её лицо из ранней юности, когда она вернулась домой после неудачного царствования во Франции. Катарина была молчалива и незаметна, в её обязанности входило наблюдение за порядком в спальне вдовствующей принцессы. Но Маргарет постоянно ощущала какое-то особое внимание со стороны этой уже не молодой, но всё ещё красивой, женщины. Как будто та что-то хотела и не решалась ей сказать.

Место было чудесное, прекрасный дворец, отстроенный её предками, огромный парк, по которому бродили олени. Она много охотилась, разбираала библиотеку, читала, все больше писала сама, особенно стихи, хотя и показывала их лишь избранным. Вела теперь постоянную переписку со своим отцом Максимилианом, с которым сближалась всё больше. Он откровенно был счастлив родной душе, с её братом отношения у него явно не ладились. Её частенько вызывали ко двору – то к бабушке Маргарите, то к брату Филиппу. Скучала она только по малышу Карлу, которого видела редко, да и то на чужих руках.

Жизнь шла своим чередом, события сменяли друг друга. Наследнику Бургундии Карлу, только появившемуся на свет, подыскали невесту, малышку Клод, дочь Людовика XII и Анны Бретонской. Конечно, это был выбор его отца Филиппа, мечтавшего породниться с французской короной.

Маргарет с удовольствием изучала жизнь своих родных мест. Она знала, что и в этот раз её пребывание тут не затянется, и спешила узнать как можно больше. Она совершенствовала свой фламандский, он давался ей легко. Ей нравилось путешествовать, узнавать новые города. Её везде встречали как законную наследницу герцогов Бургундских, а значит, с почётом, уважением и симпатией. Юная вдова, вернувшаяся из далекой Испании, имела теперь ещё и романтический ореол. А её легкий и любезный характер завоевал ей много друзей в здешних местах. Она понимала, что одной из главных ошибок её брата Филиппа было именно игнорирование нижних земель и их жителей, с их радостями и горестями. Его принимали безоговорочно: он был внуком Карла Смелого, сыном Марии, он здесь родился и вырос. К тому же он был спасением от Габсбургов, в этих местах еще хорошо помнили, как его отец пытался захватить власть после смерти жены. Но Филиппа не слишком любили: он был занят своими собственными делами и проблемами и больше интересовался международными отношениями, чем внутренними – союзом с Францией, которая слишком долго была врагом герцогства Бургундского, и испанскими распрями.

Глава 2. Мария и Максимилиан

Маргарет продолжала копаться в прошлом. Хотя теперь ей многое стало яснее, но она по-прежнему пыталась понять, кем была её мать Мария и какой она была. Что послужило причиной ряда загадочных смертей, произошедших здесь теперь уже в прошлом столетии? И где сокровища её предков? Они не могли исчезнуть бесследно.

В Брюсселе она подолгу разговаривала с Оливье де Ла Маршем. Теперь уже старик, ему стукнуло 75, он проживал в своем доме, неподалёку от собора Святого Креста, деятельными прихожанами которого он и его супруга теперь являлись. В Соборе хранились частицы Креста, на котором был распят Христос. Повстречалась Маргарет и с роковой Изабо Машфуэн, сухонькой, немного суетливой старушкой. И вновь девушка подумала о странности судеб: эти два столь разных человека, старый воин-придворный и безжалостная кокетка, так много пережившие за свою жизнь, доживали век душа в душу, тихо и мирно, посвящая время молитве и чтению. У них в доме угощали лучшими фламандскими вафлями, которые Маргарет когда-либо пробовала, с жирными сладкими сливками. Изабо страшно этим гордилась.

Де Ла Марш, несмотря на глубокие морщины, изрывшие его лицо, выцветшие светлые глаза и короткие седые волосы, сохранил величественный и благородный облик. Он много рассказывал Маргарет о прошлом, он ведь был летописцем герцогов Бургундских, кое-что она знала, но все равно с интересом слушала. Открывалось и много нового.

Однажды они сидели в его доме, на столе стояли дымящиеся вафли и наполняли комнату сладким теплым запахом. Разговор зашел о том трагическом времени, которое перевернуло всю жизнь Бургундского герцогства и лично де Ла Марша.

– В те роковые для нас всех дни я неотлучно находился при герцоге Карле. О, это был великий человек, и сейчас, кажется, начинают, наконец, это понимать. Ваше высочество (Маргарет все еще величали её старым титулом), умоляю вас, не вменяйте в вину вашему деду Карлу, его порокам и недостаткам, как это делают его враги, то великое несчастье, что случилось с ним в конце жизни, ибо воля Господа нам не известна. Конечно, он совершал ошибки, он был очень горяч, слишком категоричен, но он служил Бургундии и отдал себя ей без остатка.

Я был взят в плен под Нанси и провел мучительные месяцы в темнице. Через три дня после нашего поражения мне пришлось пережить самое страшное горе в моей жизни: меня привели для опознания тела моего господина. Вернее, того, что от него осталось. Я никогда никому не рассказываю об этом, хотя я старался записывать для потомства все события нашего великого, несмотря ни на что, времени. Но это – слишком тяжело.

Старик горестно замолчал. Прошло почти четверть века, а горечь утраты была всё ещё жива.

– Самой тяжкой для меня в неволе была мысль о гибели герцога и всего нашего мира. Но была жива Мария, наследница Бургундии, и, оказавшись на свободе, я поспешил к её двору. С тех пор я служил всем, чем мог, ей, а потом её потомкам. Сейчас я немощен и стар, но могу вас уверить в моей бесконечной преданности. Времена после гибели Карла наступили очень трудные. Фламандские города словно взбесились! Эти люди всегда думали только о своем кошельке. Герцоги Бургундские дали им всё, включая процветание ремесел и торговли, охрану их границ, безопасную безбедную жизнь. Через них, их роскошный двор, к здешним местам пришла слава великих мастеров, и заказы посыпались со всей Европы. Все эти ткачи, портные, золотошвейки, кружевницы, изготовители гобеленов, ювелиры, все они прославились через своих господ и покровителей, герцогов Бургундских. А живописцы? Строители? Художники и писцы, создавшие великолепные манускрипты. Книгопечатники? Где бы они были без постоянной помощи и поддержки? И эти люди, уже не раз обжигавшиеся, всё равно упорно продолжали бунтовать при первом удобном случае.

И внешний мир ополчился против нас. Вы хорошо знаете, как это паук Людовик XI оплёл своими сетями всю Европу. Как он всеми силами старался захватить как можно больше наших земель и посеять смуту в тех, которые были для него доступны. И все это под лживой маской заботы о «своей милой крестнице». Для всех нас, выросших на рыцарских идеалах чести и доблести, он был отвратителен. Честный бой – такую войну мы понимали, а подкуп, обман, лавирование между разными сторонами, распускание слухов, всё это была нам непонятно. Впрочем, – старик вздохнул, – похоже, сейчас это стало нормой в политике. Людовик был впереди своего времени, а наши идеалы уходили в прошлое. Только мы этого не знали и не понимали.

Остальные правители были заняты своими заботами и выжидали. Нам не на кого было рассчитывать.

Ваша мать пошла на отчаянный поступок. Фактически сама, против воли большинства, выбрала себе супруга. Я считаю, она не ошиблась. Вы прекрасно знаете, что вашего отца здесь не слишком жалуют. Мы с ним тоже очень разные. И нам, опоре Бургундского дома, было очень нелегко. Я хорошо знаю, через какие переживания прошли в конце жизни и Адольф, лорд Равенштейн, и Лодвик де Грютюз, де Круа и вовсе были вынуждены бежать из страны, пусть и ненадолго. Но, как вы знаете, вернулись и по сей день верно служат вашему брату. Добавьте сюда ван Бергенов, ван Борселенов. Их много, гораздо больше, чем кажется. Дело в том, что мы служили не конкретным людям, а Бургундскому дому. И поэтому нам пришлось мириться с Максимилианом.

Некоторые этого не смогли понять и оказались в беде. Вот Филипп, сын Адольфа Равенштейна, пасынок вашей тетушки Анны. Он был прекрасным воином и очень порядочным человеком. Все знали, что он боготворил вашу мать. Но он прекрасно понимал, что никогда у него не будет никаких шансов завоевать ее. И он довольствовался служением ей, как верный рыцарь своей прекрасной даме из старинных романов. А когда её не стало, во славу её имени он служил её мужу и детям. Бесстрашно сражался с французской армией в 1470-е, восстанавливал порядок в Епископстве Льежском после убийства Людовика де Бурбона, был губернатором Нидерландов, когда Максимилиан был вынужден уехать по вопросам наследования в Германию, был адмиралом Фландрии. Во время восстания фламандских городов решительно подавлял их бок о бок с Максимилианом. А когда последнего захватили в плен в Брюгге, не задумываясь предложил заменить своего господина в темнице. А потом он разочаровался: Максимилиан не выполнил условий освобождения. И перешел сначала на сторону восставших городов, а потом и вовсе обратился за помощью к Карлу VIII, который ему её не оказал. Разбитый и уничтоженный Филипп время от времени пытался помириться с вашим братом Филиппом, но в конце концов перешел на службу королю Людовику XII и сейчас сражается с ним в Италии. Думаю, он очень несчастлив.

Беда его была в том, что он любил Марию больше всего на свете. Мы тоже, каждый по-своему, поклонялись ей, но для нас другая дама – Бургундия была превыше всего. А для него – нет. Поэтому он так и не стал рыцарем Ордена Золотого Руна, несмотря на неоднократные попытки его друзей представить его к этому высокому званию. Он разрушил свою жизнь, живет врозь с женой, не завел потомства и сейчас сражается под чужими знаменами. Я хорошо знаю Филиппа, он достойный человек, не сомневаюсь, что самое страшное для него то, что он стыдится себя и тоскует по родным местам. Что может быть хуже?

По поручению герцогини Маргариты я лично встречал вашего отца в Кельне, когда он ехал на свадьбу с Марией. Я был рядом с ним с первого самого его дня в бургундских землях. Могу сказать, что для него это был сладкий сон. Он вырос в суровых спартанских условиях австрийского двора своего отца. Император Фридрих, ваш дед, был человек удивительный и прозорливый. Его часто сейчас изображают неповоротливым чудачком, витавшим в облаках. Думаю, он сам способствовал распространению такого образа. Но это был очень ловкий поли-

тик, не делавший лишних движений, старавшийся выжить в той крайней сложной ситуации, в которой оказалась империя.

Фридрих, это общеизвестно, был крайне скуп, при этом аскетизм отвечал склонностям его натуры. Максимилиан вырос в суровых условиях: голые стены замка, промозглая неуютная обстановка, слабое освещение, император экономил и на свечах и факелах, грубая простая одежда и такая же еда. Словом, всё то, что мы представляем о жизни немцев, для Максимилиана была реальностью его детства и юности. Добавьте к этому увлечение Фридриха алхимией, он много лет пытался получить золото, астрологией, был известным составителем гороскопов, и магическими рукописями, и атмосфера, в которой рос Максимилиан покажется вам весьма мрачной. Отец его по-своему любил, я думаю, но считал главным – не избаловать сына и наследника. Так что ваш отец видел мало любви, его мать, красавица, португальская принцесса, экзотическая птица в суровых Альпах, обожавшая своего сына, умерла довольно рано. И вот из этого холодного и сурового окружения он попадает в райский сад по имени Бургундия.

Максимилиан очень быстро вошёл во вкус роскошной жизни. Каждый день его ждали приготовленные тонкие прекрасные одеяния из шелка и бархата. Множество слуг выполняли каждое его желание. Изысканная пища сопровождалась лучшим вином, которое можно было найти. Посуда поражала великолепием: золото, серебро, инкрустация, драгоценные камни. Залитые ярким светом залы, стены украшенные великолепными гобеленами, повсюду полотна выдающихся мастеров современности. Лучшая библиотека в Европе к его услугам. Прекрасная музыка, изящные танцы, рыцарские поединки. Прогулки в саду с любимой женой, игра в шахматы хрустальными фигурами. Знаменитый меч единорога, принадлежавший Карлу Смелому, Мария преподнесла его своему супругу. В его рукоять вделан рог этого изумительного существа. Несмотря на потрясения, в то время бургундский двор пытался еще хоть как-то следовать обычному курсу.

Но это была лишь одна сторона его жизни в бургундских землях. Другая же заключалась в том, что этот райский сад разваливался на части. И главное – король Людовик, в ярости от этого бракосочетания, состоявшегося в тот момент, когда он уже считал все бургундские земли своими, постоянно атаковал границы герцогства, захватывая все новые города. При этом, как выяснил Максимилиан, у Бургундии не осталось ни армии, она полегла под Нанси, ни денег. Богатство, на которое рассчитывали они с отцом, оказалось мифом. Его отец Фридрих был занят войной с венгерским королем и не собирался ничем помогать сыну. И вот здесь, я считаю, ваш отец совершил невозможное. Или Господь показал, что он относится к числу избранных. Девятнадцатилетний юноша, не имеющий толком боевого опыта, без денег, без армии смог противостоять сначала французскому королю, а потом и восставшим фламандским городам.

Льщу себя надеждой, что и мы, верные сыны Бургундии, смогли хоть как-то помочь ему. Вскоре после свадьбы я обратился к Максимилиану с предложением. Вы знаете, какое огромное значение имеет созданный вашим прадедом Орден Золотого Руна. Помимо тайной миссии, которая вам теперь известна, за короткое время своего существования он смог стать самой престижной наградой Европы. Так вот, многие рыцари ордена полегли на поле битвы вместе с его главой Карлом Смелым. Часть, как ни грустно признавать это, перешла на сторону врага. После совещания с членами ордена я предложил Максимилиану пост Великого магистра ордена. Это заметно повышало его престиж в бургундских землях и было неплохим новым ударом для Людовика, который наверняка тайно замыслил подмять под себя и орден.

Апрельским днем 1478 года, в городе Брюгге в храме Святого Спасителя состоялся тринадцатый капитул ордена. Шествие к храму было великолепным. Все члены ордена шли в своих великолепных одеяниях. Форму утвердил ещё ваш прадед Филипп: бархатный талар, род длинной рясы, алого цвета (Карл ввёл чуть более приглушенный оттенок цвета бургундского вина), широкий пурпурный плащ, богато расшитый, красные чулки, сапоги, на голове тюрбан, такого же цвета, как плащ. Ну и, конечно, золотая орденская цепь с самим орденом на шее. Двое

рыцарей вели под уздцы белого коня Карла Смелого. На пустом седле лежала на черной бархатной подушечке цепь магистра ордена. Эту цепь в храме вручили Максимилиану после назначения его Великим магистром и переодели его в орденские одежды. С этой минуты все рыцари ордена, то есть лучшие из лучших по всей Бургундии, должны были оказывать ему уважение и поддержку, помогать словом и делом.

Вскоре после этого состоялась первая выдающаяся победа Максимилиана. Мария жила одной мечтой: освободить герцогство Бургундия, со столицей в городе Дижоне, где покоились её предки. Это не только название, это сердце нашей державы, и без этих земель, боюсь, мы вряд ли сможем вернуться к былому величию. И это не потому, что я оттуда родом и там покоятся и мои предки. Всё это понимал и Людовик. Поэтому он постоянно нападал на северные земли, чтобы молодая герцогская чета не смогла собрать силы для борьбы.

В августе 1479 года состоялось сражение вблизи Гинегата в Пикардии, в котором ваш отец получил боевое крещение. С ним были лучшие рыцари герцогства и все его союзники, оставшиеся верными Бургундии: Филипп Равенштейн, Энгельберт фон Нассау, сын Великого бастарда Антуана Филипп Бургундский, лорд Беверн, Корнелий ван Берген, отец вашей любимой Марго, представители де Круа, а Шарль де Круа-Шиме едва не погиб в сражении. Я был в то время уже стар и занимался административными делами при дворе Марии, но мой сын от первого брака Шарль, смею надеяться, поддержал честь семьи. Привел свои войска и Жак Савойский, печальный рыцарь Марии. Многие из этих благородных рыцарей сражались вместе с герцогом Карлом под Нанси. Помимо этого Максимилиан нанял швейцарских солдат, тех самых, которые разбили Карла, и применил частично те же методы ведения боя, которые оказались столь губительными в тот раз для бургундцев. Максимилиан сражался в первых рядах и заслужил всеобщее уважение. Это была победа! Первая победа над французами после гибели Карла.

В разгар всех этих событий умерла Мария. Мне трудно судить о том, любили ли ваши родители друг друга. Я плохо разбираюсь в любви. Вот ваш друг Молине утверждает в своей хронике, что «вечная и нерушимая любовь связывала обоих в такой сладкой любовной гармонии, что только чудовищный удар смерти смог разлучить их друг с другом». Может быть, ему виднее. Я знаю точно только одно. Это был страшный удар по положению и власти Максимилиана. И он смог выдержать и его.

На этот раз война разгорелась внутри бургундских земель. Сразу после смерти Марии непокорные города стали диктовать свои условия. Они признали вашего двухлетнего брата Филиппа новым правителем, но отказали его отцу в регентстве над ним. Специальный совет из представителей разных городских сословий взял опеку над мальчиком. Они фактически отстранили Максимилиана не только от власти, но и от его собственных детей. Был заключен договор с Людовиком XI, согласно которому ваша рука и часть земель были отданы дофину Карлу, вас поспешно увезли во Францию, а ваши наследные земли – бургундское графство Франш-Конте, графства Артуа, Шароле, Маконне и другие перешли под управление французской короны. Малолетний герцог Филипп оказался в руках горожан. Потерявший разом и жену, и детей Максимилиан говорил, что чувствовал себя как святой Евстафий, у которого волк утащил сына, а лев – дочь.

Но Максимилиан не думал сдаваться. Огнем и мечом он устанавливал единоличную власть в непокорной Фландрии. Его безоговорочно поддерживала герцогиня Маргарита Бургундская. Она не только решительная дама, но обладает своим собственным весьма внушительным капиталом, доставшимся ей по брачному договору и многократно ею увеличенным благодаря её разумности и бережливости. Она к тому же смогла договориться со своим братом, английским королем Эдуардом IV, который в своё время, будучи в изгнании, нашел пристанище у герцога Карла, о реальной военной помощи в виде отряда боевых лучников. Я всегда безмерно уважал герцогиню, о которой, как я слышал, её главный враг, нынешний король

Англии Генрих VII говорит, что у неё твердость духа мужчины и коварство женщины. Я бы заменил коварство на пронизательность или даже мудрость. Она же вскорости забрала к себе и юного герцога Филиппа, горожане не осмелились возразить ей. Я вместе с Адольфом Равенштейном был назначен его наставником и воспитателем.

Это были трудные и кровавые годы. Очень мало мира и очень много войны. Самое страшное, что может быть, это когда война идёт между своими, внутри одной державы. Кто свой, кто чужой – не понять! Однажды случилась беда. Максимилиан прибыл в Брюгге со своими рыцарями и наемниками, которых теперь называют ландскнехтами, чтобы усмирить очередное восстание. Жители вели себя мирно и, казалось, примирились с его регентством и властью. Но решив покинуть город, Максимилиан обнаружил, что ворота заперты, а вокруг него и его воинов моментально собралась огромная разъяренная толпа, вооруженная пиками, вилами, цепями, всем, что смогли найти. Зазвонили колокола, народ всё прибывал. В результате произошло невероятное – Максимилиан и его рыцари были схвачены в плен взбунтовавшимися горожанами. Это было страшное унижение, трудно даже представить! На тот момент ваш отец был уже королем Германии и отцом правителя Фландрии, пусть и малолетнего. Из окна своей темницы он видел пытки и казни своих соратников. Горожане были упоены победой и жаждали крови.

Но это было уже слишком. Император Фридрих, в обычное время придерживавшийся политики выжидания и считавший, что его сын должен сам разбираться со своими проблемами, в этом случае поспешил ему на помощь. Его войско возглавлял Альбрехт, герцог Саксонии, маркграф Мейсена, опытный воин, племянник Фридриха III, преданный ему всей душой.

За исключением Франции, были возмущены практически все страны. Папа Римский угрозил бунтовщикам отлучением от церкви. В итоге был составлен договор, урезавший права Максимилиана, который он подписал, не читая. (Он и не собирался его выполнять, именно это и возмутило многих рыцарей старой закалки, вроде Филиппа Равенштейна.) И был отпущен на свободу. Он передал управление нижними землями Альбрехту Саксонскому и покинул наши земли, в которых более десяти лет провёл в боях и сражениях. В следующий раз он прибыл сюда, когда уже его сын Филипп достиг совершеннолетия и взял управление в свои руки. Альбрехт вполне успешно справлялся со своими обязанностями, восстановив власть Максимилиана. За это он получил звание губернатора Фрисландии, он скончался в этом году совсем недавно, и его наследник Георг, кажется, также верен вашему отцу.

Оливье де Ла Марш вёл свой рассказ неспешно, он любил описывать детали. Как-то Мария спросила его, в чём причина смертей, охвативших Фландрию в те далекие времена. И не знает ли он что-нибудь о смерти её матери.

– Вы, ваше высочество, знаете, как сложна ситуация вокруг бургундского наследия. Здесь замешано столько сил, что трудно представить. Тайных обществ в одной только Фландрии великое множество, и даже я не всегда знаю, чем они на самом деле занимаются. Однако с точки зрения наследования и сохранения крови все те смерти не имели смысла, ни для наших сторонников, ни противников. Правда, я не всегда понимаю пути и смысл интриг такого масштаба.

И все-таки мне кажется, что главной причиной смертей была алчность, жажда денег, а не власти. Не забудьте, что вашему прадеду были переданы великие сокровища, в том числе и легендарные, имевшие гораздо большее значение, чем обыкновенные богатства. Это были святые реликвии. Кто-то мог охотиться и за ними. А кто-то просто хотел поживиться, урвать себе кусок от сокровищ. Достаточно вспомнить, что в сокровищнице герцога находился самый крупный алмаз Европы, ваш дед очень любил его.

Думаю, что смерти связаны именно с этим, хотя и не имею достоверных сведений. Вот, например, португальская принцесса Беатрис, первая жена Адольфа Равенштейна, которая была отравлена. Она прибыла в наши края из Португалии одновременно с сокровищами. Её

отец, Педру, герцог Коимбры, брат Изабеллы Бургундской, был очень значимой фигурой в тайном мире. Думаю, он относился к числу тех, кого мы называем Избранными, в чьих руках находятся все нити заговора и кто принимает общие решения. Он погиб при загадочных обстоятельствах. Как и все члены его семьи, включая Беатрис. Видимо, кто-то хотел, чтобы они замолчали.

Что касается вашей матери, то её гибель – страшная трагедия для нас! – считается просто несчастным случаем на охоте. Её смерть доставила огромную радость уже умиравшему Людовика XI, но я не думаю, что он в ней повинен. Для всех нас, членов ордена, это был огромный удар, ставивший под угрозу всю нашу миссию. Я не представляю, кто мог бы быть в ней заинтересован. Ведь вы с вашим братом, её наследники, уже были рождены, и, слава Господу, вас обоих никто за это время не тронул.

Они говорили и о тайных обществах, и различных орденах, существующих во Фландрии, де Ла Марш, как мог, вводил её в курс дела.

– Про Орден Златого Руна вам хорошо известно. Члены его в числе прочего дают тайную клятву оберегать бургундских наследников любой ценой, даже своей жизни. Их символ Золотое руно, который вы хорошо знаете, и так называемый бургундский, или Андреевский, крест. Святой апостол Андрей считается крестителем и покровителем Бургундии, он, согласно Евангелию от Иоанна, которое для нас является первоопределяющим, последовал за Христом как за «Агнцем Божиим», а тот сделал его «ловцом человек».

Благородное братство Святой Крови, с начала прошлого столетия находящееся в городе Брюгге, открытой обязанностью которого является охрана реликвии Святой Крови, привезенной из Иерусалима крестоносцем Тьерри Эльзасским, следит за чистотой царской крови. В состав братства входит тридцать человек, их парадное одеяние состоит из черного платья и красной накидки с изображением пеликана. Декан, являющийся главой братства, носит золотую цепь, как знак высокого достоинства. Ежегодно они устраивают в Брюгге шествие Крови, поддерживая духовную роль святыни. Помимо этого существует еще и Благочестивое братство Святой Крови, выполняющее исключительно тайные функции и контролирующее деятельность Благородного братства. Их деятельность тесно связана с Базиликой Святой Крови в Брюгге, настоятель которой возглавляет и тайное Благочестивое братство.

Надо сказать, что культ Девы Марии, столь распространенный в бургундских землях, также напрямую связан с деятельностью наших организаций. Дева Мария почитается как родная кровь Великой династии, будучи тетей Апостола Иоанна. Мария из Вифании – имя его супруги, ведущей свой род от Древней Богини-Матери. Наконец, в последнее время еще и образ вашей матушки Марии активно вплетается во все эти культы, происходит очередная подмена. Несколько раз во время шествий в честь Богородицы я видел сценки, изображавшие Марию Бургундскую в качестве покровительницы тех или иных обществ и городов.

Многочисленные местные братства, посвященные Деве Марии (а через неё и остальным Мариям), порой очень странные, как правило, также выполняют некие секретные функции, чаще всего связанные с распространением нужной нам информации среди жителей подвластных бургундских владений. Вы понимаете, что необходимо, во-первых, укреплять веру, это основа будущей власти, а во-вторых, поддерживать авторитет правителей и их потомков.

Одним из крупнейших культовых центров всегда являлся собор Пресвятой Девы Марии в Дадизель, высоко чтимый вашей матерью, как и её предки, неоднократно совершавшей туда паломничества. Много лет его куратором (и главой тайного общества Девы Тернового Венца, её удивительное изображение, вызывающее массу толкований, находится в Соборе) был уважаемый нами всеми Яна ван Вердегем из Дадизель. Ваша мать ему безгранично доверяла, и я до сих пор гадаю, не это ли стало причиной его загадочного убийства на улице в Антверпене за год до её гибели. Похоже, перед смертью его пытали, явно пытаясь получить какую-то информацию. Он был храбрый человек и рыцарь, верю, что его тайны ушли вместе с ним. Вину

тогда свалили на сторонников Максимилиана, с которым он вроде бы вошел в конфликт (хотя и воевал на его стороне при Гинегате). Сомневаюсь, ваш отец не так глуп, чтобы так нелепо убирать своих влиятельных союзников.

В Брюгге существует и Братство Мадонны высохшего дерева. Оно было тесно связано с последними Бургундскими герцогами, хотя возникло гораздо раньше их появления в этих местах. Самым известным изображением, благодаря которому о братстве стало известно довольно широко, является картина знаменитого нашего художника Петруса Кристи, члена этого братства. Дева Мария с Христом стоят в центре высохшего дерева, сухие ветки которого обрамляют их. Картина очень сильная, даже в чем-то пугающая. Лицо Пресвятой Девы очень похоже на лицо вашей матери, в то время среди художников существовала традиция изображения её в облике Богоматери. И Петрус Кристи был одним из тех, кто поклонялся обеим Мариям: и небесной, и земной.

В руках у младенца Христа – круглая золотая держава, увенчанная крестом, высший знак монаршей власти. Если вы помните, шар, который некоторые считают гранатом, держала и Кубаба, возможно, это древнейший символ королевской власти. А обилие зерен внутри делает его еще и символом плодородия и продолжения жизни. Дерево же, согласно распространенной среди членов братства легенде, зацветет, когда на земле установится единая королевская власть подлинной династии и повсеместно восторжествует истинная вера. В некоторых церквях устанавливают сухое дерево, а посередине водружают мадонну с младенцем, тоже производит сильное впечатление.

В это братство входили как множество знатных придворных, так и богатые горожане и известные художники. Например, активным членом общества была Изабелла Португальская, ваша прабабка. Согласно легенде её супругу, Бургундскому герцогу Филиппу Доброму, перед важной битвой было видение: на сухом дереве появилась Дева Мария. Победу в бою он отнёс на счёт своей молитвы и якобы учредил это братство. Это, конечно, неправда. Он существовало гораздо раньше, не забудьте, что нижние земли традиционно связывали с бургундскими владениями, даже когда они были разобщены. Так что работа здесь велась уже несколько столетий назад.

В том же Брюгге есть и Братство Девы Марии Снежной. Его символом является лебедь. И члены братства раз в год устраивают пир, на котором непременно подают эту благородную птицу. Они же присматривают за тем, чтобы в каналах и прудах города всегда водились лебеди, считается, что они охраняют город от бед. Члены этого братства в своё время преподнесли Марии её любимую кобылицу Олор, что означает «лебедь».

Братство это стало чрезвычайно популярно после того, как случилось чудо. В 1464 году умиравшая от неизлечимой болезни в страшных мучениях нищая пятидесятилетняя вдова, в канун празднования дня Девы Марии Снежной 5 августа, увидела Деву Марию, которая послала ей исцеление. Весть об этом разнеслась повсеместно, и количество членов братства резко возросло. Однако посвященными в тайны были лишь немногие, братья-лебеди, как они назывались. Среди них был и герцог Карл, и Людвик де Грютюз, и Адольф де Равенштейн.

Легенды о рыцаре-лебедь связаны с темой чаши Грааля. Так что неудивительно, что на членов этого братства возложена миссия беречь царские святыни. С которой они, как я понимаю, не справились. Если только исчезновение реликвий в то критическое время не было хорошо спланированной операцией по их спасению. Но, как вы уже знаете, каждая из наших тайных организаций держит свои секреты при себе, и только Избранным дано знать все.

– Вы видели эту Чашу, – шепотом спросила Маргарет, – какая она и в чем все-таки её смысл?

– Она прекрасна в своей простоте. И она – важный символ любви и божественной мудрости. В качестве таковой Чашу берегли веками, чтобы использовать в то великое время, когда все объединятся под единой властью и наступит мир и благоденствие. Её роль нашла отражение

во многих легендах и мифах о древней бургундской династии. Отпившие из кубка обретают мудрость, понимают язык птиц и растений, могут читать мысли, если же из чаши отпивают мужчина и женщина, они связывают себя вечной любовью.

Вот кубок браги, вождь бранного веча,
В нем смешана сила с мощной славой,
Полон он песен, письмен на пользу
Разных заклятий и радостных рун.
– Так говорится в одном из сказаний.

Это венчальная Чаша, будь то венчание на царствие или при брачном союзе. Из этой Чаши испил сам Христос, Царь всех Царей. Из этой Чаши Мария и Иоанн испили вино, соединившись навек. И этой Чашей, я все-таки надеюсь, она не пропала и непременно найдется, будет венчан на царство тот, кто сможет объединить народы в новом едином царствии.

Да, и ещё, вы должны знать это. Чаши на самом деле было две – одна, из которой пил Наш Господь на Тайной вечере, а вторая – в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь Христову после его смерти. Первая предназначена для любви, вторая – для власти. Если вы внимательно изучите творения художников, о, это очень важный источник сведений, его, как правило, недооценивают, вы обнаружите, что в иконографии запечатлены две Чаши. Одна – у Марии (сейчас чаще всего у той, которую называют Магдалиной, поскольку существование другой просто забыли, хотя и не случайно). Говорят, что это чаша с благовониями, которыми она пришла умастить тело Христово (кстати, в Библии это собиралась сделать как раз Мария, сестра Лазаря). Это чаша любви. Вторая – у святого Иоанна апостола. Согласно легенде его пытались отравить, но он, выпив из чаши яда, остался жить. Ну что ж, тоже попытка объяснения. Его чаша – Чаша мудрости и власти. Обе они были в сокровищнице, переданной герцогам, и обе пропали.

Что ещё? Да, в Хертогенбосе есть прославленное братство нашей Благословенной Девы. Центром поклонения в нем является древнее деревянное женское изображение, которое находится, обратите внимание, в храме Святого Иоанна. Символ их, символ Апостола, орёл. Вся семья ван Эгмонтов, предков хорошо вам знакомого Флориса, ну и включая его самого, издавна состояли в этом братстве, чаще всего возглавляя его. К числу его членов относится и наш странный художник Иероним Босх. Думаю, в его картине зашифровано многое из того, что известно этому братству.

Ну это, пожалуй, самые главные. Число их гораздо больше. Ушедшее столетие было богато на тайные общества.

– Есть еще одно, со следами и деятельностью которого я сталкивалась несколько раз. Самое главное, в бумагах моей матери есть загадочные записки, скрепленные знаком: крест, оплетенный цветущей розой. Это общество явно могущественно. Не от него ли исходила угроза жизни Марии? Записки очень туманны.

Оливье де Ла Марш замолчал и задумался. Затем, с видимым усилием, он возобновил свой рассказ.

– Я никогда бы ничего не сказал вам, ваше высочество, если бы не те особые обстоятельства, в которых вы оказались. На ваши плечи и так легло огромное бремя и ответственность. Разобраться в том, что происходит вокруг, очень непросто...

– Да простится мне это нарушение чужой тайны! Видит Бог, я вынужден это сделать. В числе приближенных Бургундских герцогов было благородное семейство де Мелён. Виконт Жан де Мелён, отпрыск этого древнего дома, был кавалером ордена Золотого Руна, бургграфом Гента, коннетаблем Фландрии. Он честно нёс свою службу и был достойным слугой своего господина, герцога Филиппа Доброго, они были ровесниками, и именно при его дворе, без малого пятьдесят лет, Жан провел большую часть своей жизни. После смерти герцога де Мелён

по возрасту вышел в отставку, ему ведь было уже за семьдесят. Он удалился в свой родной город Монс в графстве Эно.

Так получилось, что Бог даровал ему долгую жизнь. Человек деятельный, он оказался в значительной изоляции и пустоте. Почти все дети его скончались раньше него. Единственный оставшийся в живых сын выполнял (и, кстати, продолжает выполнять по сей день) обязанности коннетабля Фландрии, это наследный пост их дома. Развлечений в Монсе немного, если не считать раз в год знаменитую процессию, которая совершается перед Пасхой. Но за свою жизнь Жан вдоволь насмотрелся битв святого Георгия с драконом, это традиционное представление в этот день, так что все это ему порядком надоело. И вот в голове его родилась безумная, с моей точки зрения, мысль: создать своё собственное братство. Вы знаете, какое количество организаций появилось в ушедший век в наших краях, и это я упомянул только главнейшие. А так их сотни, и у каждого свой символ, свой знак, свой устав, свой покровитель и непременно свои традиции совместных приемов пищи, что для многих такого рода сообществ составляет самое главное содержание.

Хотя я и осуждаю своего приятеля за столь нелепый поступок (говорят же, к старости выпадают в детство, а он прожил почти сто лет), но где-то могу и понять его: он просто хотел высмеять все те нелепости и крайности, которыми полнится наш мир. Думаю, в своем стремлении к помпе, чрезмерности, ритуальности и церемониальности мы где-то перегнули палку, нынешняя эпоха полна шутников и пересмешников, и это не случайно. Жан де Мелён просто стал одним из первых.

Добавьте к этому появление в последние десять-двадцать лет многочисленных магов и чернокнижников, и вы, возможно, не осудите моего приятеля.

Жан был неутомим, в его жизни появился новый смысл. Он создал «документы» общества, манифест, тайные бумаги, символику, структуру организации, собственную «биографию» как основателя ордена, в конце концов, даже имя. В этом своём вымышленном мире, в который он погружался всё больше и больше, он стал Христофором Розенкрейцем («роза-крест»), и именно розу на кресте он сделал знаком своего «ордена». «Члены» Братства Розы и Креста ставили своей главной целью постижение Божественной мудрости, раскрытие Тайн природы и оказание помощи людям. Причём последнее совершенно безвозмездно.

Он показал мне как-то одно из своих «творений». Оно представляло собой комическое нагромождение разного рода ритуалов и обязательств, основанное на тех деталях, которые и впрямь существовали в нашей реальной жизни, в том числе и на собраниях Ордена Золотого Руна. Рыцари в нём давали клятву.

- 1) относить основание нашего Ордена только к Богу и Его служанке Природе;
- 2) возненавидеть всякое распутство и не осквернять Орден подобным злом;
- 3) использовать свои таланты для помощи всем, кто в них нуждается;
- 4) не стремиться к земному достоинству и высокому авторитету;
- 5) не желать жить дольше, чем Бог положил нам.

(Последнее было для него крайне актуально.) В конце герой этого «творения» направляется в небольшую часовню, где он «повесил свое Золотое Руно и шляпу», прямой намёк на авторство. И закончил его словами: «Высшая мудрость – это не знать ничего». Намекая, видимо, на обилие тайн в окружавшем его мире. Собственно, он думал, что такая концовка сделает всем понятным, что это за шутка, но люди не всегда видят очевидные вещи.

Но то, что он сделал далее, было уже совсем из ряда вон. Он попытался придать достоверность вымыслу и оставить «следы» в истории. Отсюда появление нелепых загадочных и туманных писем в самых разных концах Европы, знаков креста и розы, которые по его просьбе из уважения к его заслугам и сединам оставляли ничего не знавшие путешественники и дипломаты в тех местах, куда направлялись. В конце концов, он спрятал куда-то свои бумаги, сказав мне, что в нужное время их найдут и ему смертельно жаль, что он не узнает, чем закончится

его представление. Он был уверен, что будут ещё последствия и ему удастся «наследить» и в будущем.

Я умолял его прекратить всё это, говорил, что шутка зашла слишком далеко. Особенно я разозлился, когда узнал, что он послал свои «листки» и Марии. Как будто ей мало было проблем и бед в жизни! Боюсь, перед смертью он совсем выжил из ума. Это было так недостойно званий рыцаря и кавалера ордена Златого Руна! Но я поклялся не раскрывать его тайну, и вы единственная, кому я вынужденно рассказал её. Надеюсь, теперь вы успокоитесь на этот счёт, простите моего старого друга, он умер несколько лет назад, и сохраните его секрет.

Маргарет история показалась занимательной, тем более что она и сама устала от тайн и интриг, так что она от души согласилась.

А вот о судьбе сокровищ де Ла Марш ровным счётом ничего не знал и был в таком же недоумении, что и другие.

– Я много думал об этом. Либо их похитили, но в этом случае они бы, хотя бы частично, уже где-то появились, зачем похищать и не продавать? Либо их спрятали из соображений безопасности после гибели Карла члены ордена по приказу Избранных, и нам просто не сообщили об этом для сохранения тайны. В этом случае рано или поздно вам сообщат об их судьбе, вы теперь возглавляете династию. Либо произошло нечто непредвиденное, тогда только случай и сможет раскрыть, что же случилось.

Однажды де Ла Марш пригласил Маргарет на небольшую прогулку. Они зашли в церковь Святого Якова в Кауденберге, прямо рядом с герцогским дворцом. Старый придворный показал Маргарет на небольшой закуток в стене:

– Здесь я найду своё последнее пристанище, – сказал он гордо. – В этой церкви крестили вашу мать Марию. Это было величайшим событием в моей жизни. Здесь отпевали её мать, вашу бабушку Изабеллу. Я не мог бы найти лучшего места. Всю свою жизнь я отдал Бургундскому дому. Я не так старомоден и глуп, я понимаю, что моё время прошло, но я счастлив, что мне пришлось жить в столь достославное время и умереть, не дожив до перемен. Мы, смешные рыцари, со своими представлениями о чести, славе, доблести, знающие наизусть, сколько раз и пред кем надо опуститься на колени, как низко поклониться, где и как встать, сесть, вздохнуть, как поднести чашу своему господину, над нами уже смеются, а вскоре будут потешаться ещё сильнее, мы уходим. Но мне жаль вас всех. Мне жаль всех.

Так и запомнился он Маргарет, старик, грустно покачивающий своей седой головой.

Глава 3. Шествие Крови

Важным эпизодом стало для Маргарет посещение Брюгге. Она уже поняла, сколь большую роль этот город играет в том заговоре, центром которого она и её брат оказались. К тому же она была там только в детстве, после возвращения из Франции. Ей хотелось узнать этот город получше. Она путешествовала со свитой, среди которой был и её старый друг Жан Молине. Его присутствие всегда радовало Маргарет, он не был посвящен в тайны, не интересовался этикетом и не слишком дорожил старыми добрыми временами. Он жил днем сегодняшним, как и прежде, любил поесть и выпить, и, как подозревала Маргарет, его интерес к женскому полу тоже не пропал, несмотря на заметно лысевшую голову.

Они прибыли в город в мае, чтобы попасть на знаменитую процессию Святой Крови Христовой. Маргарет не хотела шума и славословий, поэтому прибыла без всякой помпы. Многие жители всё равно узнали о её приезде и пришли с приветствиями. Среди них был и старик Вильгельм Морель, один из богатейших жителей города. Судьба его была непроста. До гибели герцога Карла он был увенчан славой и титулами, был мэром города Брюгге, банкиром, торговцем, разбогател на продаже специй. С Италией его связывали особо тесные отношения.

Но потом в его жизни наступил поворот: после смерти Марии он вошёл в конфликт с Максимилианом и, как почетный житель Брюгге, посчитал своим долгом противиться вместе с остальными его влиянию. Он примкнул к Филиппу де Равенштейну, как раз в тот период, когда он возглавил фламандцев в борьбе против Максимилиана. В результате – бегство из города, потеря состояния, он чудом избежал ареста и, скорее всего, казни, потом изгнание и, наконец, уже при герцоге Филиппе возвращение на родину.

Он был большой покровитель искусств, неоднократно заказывал работы знаменитому Гансу Мемлингу. Его семья была велика, в общей сложности 16 детей. Но теперь он был совсем стар, спокоен, супруга его скончалась год назад, и политические битвы для Мореля явно были в прошлом.

К тому же оказалось, что он принадлежал к Благочестивому братству Святой Крови, тому, которое тайное, так что Маргарет он опекал с особым вниманием. Он также контролировал деятельность гильдии Святого Иоанна, объединявшую иллюстраторов манускриптов. Их деятельность была крайне важна, хотя и незначительна на первый взгляд. Многочисленные иллюстрированные манускрипты (часто ещё и удивительной красоты!) содержали, как правило, информацию об истории Бургундского рода, иногда зашифрованную. Это был важный источник сведений о тех вещах, которые хотя и скрывались, но их было необходимо довести до сведения и современников и потомков. Но сделать это надо было деликатно, чтобы показать только то, что можно было видеть, и сообщить о том, что можно было знать. Тексты такого рода манускриптов были чаще всего духовного содержания и отличались друг от друга не сильно, так что миниатюры становились главным информационным источником. Их воздействие на читателей было велико и позволяло передать те мысли и чувства, которые были необходимы для общего государственного дела.

Из герцогского дворца, где когда-то её мать праздновала то роковое Рождество, которое принесло ей и первую любовь, и ужасную катастрофу, они оправились на прогулку по городу. Маргарет сопровождал сеньор Морель, Молине, Марго и слуги. Был теплый майский день, город был празднично украшен: жители развесили на своих домах гобелены и цветные ткани, в зависимости от достатка, через день ожидалось шествие, и все с нетерпением ждали очередного праздника.

Было многолюдно, к процессии была приурочена ежегодная ярмарка в городе, Маргарет попросила, чтобы её непременно туда отвели. Но начали они с церкви Богоматери, где была похоронена Мария. Маргарет вошла в это просторное гулкое здание и преклонила колени

у могилы матери. Мраморное надгробие было простым, но по приказу герцога Филиппа в мастерской Брюсселя лучшие мастера работали над величественным бронзовым монументом. Была у них с Филиппом ещё одна тайная мечта: перенести сюда останки своего деда Карла из Нанси, чтобы он мог найти свое успокоение рядом со своей наследницей и любимой дочерью. Но пока это было невозможно. Герцог Рене, союз которого с французами за прошедшие десятилетия только укрепился, не допустил бы этого. К тому же он был женат на Филиппе, сестре Карла Гельдернского, они были детьми Адольфа де Эгмонда, что усиливало общую враждебность лотарингского герцога.

Маргарет молилась у могилы матери. Ей нужны были силы, она вдруг почувствовала себя маленькой и потерянной. Столько вражды кругом и никакой защиты. И любви, ей так её не хватало. Максимилиан и Филипп, каждый по-своему любил её, но они были мужчинами. У них были другие интересы и цели, ради которых они легко могли пожертвовать её судьбой. Тем более что оба вполне искренне считали, что и для неё любой выбранный ими брак будет лучше вдовьего сидения дома. Она не могла понять ни её растерянности, ни горести из-за потери ребенка, ни женского одиночества. Ей не хватало, наверное, просто материнской любви, впрочем, она её не никогда не знала.

Тяжело вздохнув, Маргарет поднялась с колен, нельзя было заставлять своих сопровождающих так долго ждать. Они отправились осматривать город Брюгге. Рядом с собором находился госпиталь Святого Иоанна, Морель был одним из членов попечительского совета, туда они и зашли. Госпиталь был основан еще в XI веке для путешественников и пилигримов, приезжавших в город. Со временем он разрастался и сейчас имел аж 250 больничных коек, учитывая, что в случаях большого наплыва больных их клали на каждую по два человека, он мог вместить до 500 человек! Ухаживали за больными монахини августинского монастыря, который теперь уже фактически слился с госпиталем.

– Госпиталь находится под тайным покровительством Ордена тамплиеров, – часть информации Мореля предназначалась только для ушей Маргарет, – и он совершенно не случайно посвящен святому апостолу Иоанну. Когда-то здесь был центр ордена в Брюгге, но после его роспуска он стал тайным и заметно сократился.

Высокие гости прошли по залам, в которых в три ряда стояли кровати, закрытые занавесями так, что получалась словно небольшая изолированная комнатка. Монахини в своих черно-белых одеяниях неслышно скользили между рядами, разнося лекарства. Маргарет показали местную реликвию – раку святой Урсулы, в которой хранились частицы её мощей. Она была расписана Гансом Мемлингом, который после ранения под Нанси в 1477 году провел здесь много времени и так проникся к заботившимся о нём монахиням, что исполнил эту работу безвозмездно. Он же сделал и некоторые другие работы по заказу госпиталя, которые Морель непременно хотел показать принцессе.

В не так давно пристроенной новой апсиде в храме при госпитале был расположен, как его называли, алтарь святого Иоанна. Морель шепнул Маргарет, что он один из тех, где зашифрованы секретные послания, понятные только посвященным.

– У нас в городе очень много произведений живописи, непохожих по тематике и исполнению на те, которые существуют в других странах. Они запечатлели некие важные для нашего общего дела моменты или персонажей. Ганс Мемлинг, как и ряд других художников, принадлежал к тайному братству, существовавшему внутри гильдии Святого Луки. Алтарь должен был быть целиком посвящен Апостолу Иоанну, но позже было решено добавить и другого Иоанна – Крестителя, как и с Мариями с ними часто случается путаница.

Алтарь произвел на Маргарет большое впечатление. Она пока не слишком хорошо разбиралась в живописи, её стихией было слово, поэзия и риторика, но пребывание на родине дало ей очень много в этом вопросе. Левая створка была посвящена усекновению головы Иоанна Крестителя, правая – Откровению апостола Иоанна. Загадочные сцены из этого непонятного ей

пока новозаветного текста притягивали взгляд. Хотелось разобраться в этом смешении добра и зла, ангелов и чудовищ. Были там и четыре всадника, и «жена, облеченная в солнце», и дракон, и агнец.

Но еще больше внимание Маргарет привлекла центральная часть. На высоком троне, установленном на красивом восточном ковре, Маргарет видела много таких в Испании, сидела Дева Мария с младенцем Христом. По обе стороны от неё стояли два Иоанна, в руках апостола была чаша («Не с подлинной ли Мемлинг её рисовал», – мелькнула мысль у девушки.) Справа от Богоматери сидела погруженная в чтение святая Варвара, а слева – святая Екатерина. Она была одета в золотое царское одеяние. Христос в левой руке сжимал яблоко, видимо, как символ познания добра и зла, а правой надевал на палец Екатерины кольцо.

– Эту картину иногда еще называют «Мистическое обручение Екатерины», – заговорил Молине, очень любивший и хорошо знавший Брюгге, – хотя смысл его мне не совсем ясен. Может быть это в значении «Христова невеста», которое употребляют по отношению к монахиням, поэтому такой сюжет для монастырской церкви? Знаю одно, лицо читающей мудрой святой Варвары написано с герцогини Йоркской, я помню её такой молодой, вскорости после прибытия сюда из Англии. А вот нежная святая Екатерина-невеста, – глаза Молине наполнились слезами, – это ваша мать, Мария, юная и прекрасная.

– Это правда, – подтвердил Морель, – Мемлинг вписал в алтарь своих покровителей. И обручение Екатерины-Марии в этом случае приобретает особый смысл. Да ещё и в присутствии святого Иоанна с чашей.

В центральной части церкви Морель не без гордости показал алтарь, сделанный все тем же Мемлингом по его заказу. На створках слева и справа были изображены донаторы: сам Морель, ещё темноволосый и суровый, с 5 сыновьями, а справа его супруга с 11 дочерьми. В центре алтаря великан святой Христофор нёс на плечах младенца Иисуса.

– Алтарь находится здесь временно, – пояснил Морель, – он будет перенесен в церковь Святого Иакова, где покоится моя супруга и, надеюсь, вскоре найду свое успокоение и я.

Вдоль каналов вся компания проследовала к другой важнейшей святыне города – Часовне Крови. После церковного полумрака и тишины город ослепил и оглушил Маргарет. Он был таким веселым, таким живым, что все тайны и мистика казались ей опять нелепостью. Но войдя в часовню Василия Великого, она вновь погрузилась в таинственный мир. Мерцали свечи, разгоняя полумрак, через маленькие окна почти не проникал свет. Здесь было многое из уже знакомой ей символики: перед центральным окном восседал позолоченный пеликан, клюющий себя в грудь, едва заметное изображение двух чаш по обе стороны креста, деревянная статуя Марии с младенцем.

В часовне хранились мощи святого Василия Великого, привезенные графом Фландрии Робертом II Иерусалимским, участником первого крестового похода, сподвижником Готфрида Бульонского. Он был женат на богатой наследнице, Клеменсе Бургундской, правившей обширными землями, пока её супруг странствовал на Востоке. Первая часовня на этом месте была выстроена по её приказу для размещения мощей святого Василия. В то время часовня примыкала к дворцу правителей Фландрии. А перестроил её Тьерри Эльзасский, надстроивший второй уровень для привезенной им Святой Крови.

По узкой винтовой лестнице Маргарита со спутниками поднялись в часовню Крови. Эта часть была копией нижнего этажа, однако были заметны следы введущихся работ.

– Советом города было решено перестроить часовню в более современном стиле, – пояснил Морель, – приподнять потолок, увеличить окна, добавить резьбы и украшений, так у неё вид слишком мрачный и суровый.

В специальной нише на украшенном драгоценными камнями постаменте хранилась святыня. Это был хрустальный сосуд, с двух сторон запечатанный воском, поверх которого были

надеты резные золотые затычки; к ним была прикреплена длинная серебряная цепь. Внутри хранился клочок шерсти, пропитанный кровью Христовой.

– Сосуд никогда не открывался, – сообщил Морель, – именно в таком виде привез его граф Тьерри из Святой земли. Раньше каждую пятницу ровно в полдень из этого сгустка Святой Крови истекали капли. Но мы чем-то прогневали Господа, и вот уже несколько столетий, как это прекратилось. Но мы верим, что настанет день, истинная вера восторжествует в мире, и чудо свершится вновь. Этот день грядёт, и мы делаем всё, чтобы его приблизить.

Старик выразительно взглянул на Маргарет.

Вечером внезапно пошёл сильный дождь. В огромном дворце герцогов стало промозгло и сыро, и Маргарет попросила зажечь камин и накрыть стол в небольшой приёмной зале. Перед ужином она бродила по залам и коридорам дворца, смотрела в окно на залитые дождем мостовые и крыши низеньких домов, окружавших дворец. Ей было видно высокую башню собора Пресвятой Богородицы, где покоилась Мария. Этот город притягивал и очаровывал её, было в нём что-то нереальное, она даже не могла понять, что именно. Сочетание каналов, в которых плавали благородные лебеди, каменных жилых домов и общественных зданий, богато украшенных резьбой, круглых башен, окружавших город, веселых ярких цветов, которые горожане умудрялись выращивать на окнах и балконах своих жилищ, всё это создавало сказочный мир, в котором она чувствовала себя героиней старинного рыцарского романа. Она понимала, почему любовь её матери расцвела именно здесь, в этом каменном чуде.

К ней неслышно подошёл Молине.

– Красивый город, – сказал он вполголоса, – я влюбился в него сразу, как только сюда попал. К этому времени я уже немало побродил по свету, служил разным господам, а здесь вдруг почувствовал себя дома. Это было сорок лет назад. С тех пор я не менял ни родины, ни господина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.